

18+

Северин Ворон
Даниэла. Дар Вечной

Клятва, которую можно лишь исполнить. Отмены не будет

Северин Ворон

**Даниэла. Дар Вечной. Клятва,
которую можно лишь
исполнить. Отмены не будет**

«Издательские решения»

Ворон С.

Даниэла. Дар Вечной. Клятва, которую можно лишь исполнить.
Отмены не будет / С. Ворон — «Издательские решения»,

Дар Лилиэн дал Даниэле власть вершить справедливость. Но с каждым возмездием он превращает её в зверя. Годы в горах она растила сына и училась держать зверя в узде. Но теперь угроза коснулась чужого ребёнка. Сможет ли Даниэла спрятаться за личной местью или за защитой семьи? Серебряная рана, хрупкое доверие и шанс начать всё заново... Заманчиво? Однако клятва беспощадна: огонь сожжёт её изнутри при малейшем сомнении. Сможет ли она укротить тьму, чтобы остаться матерью, а не монстром?

© Ворон С.

© Издательские решения

Содержание

Побег	6
Время пришло	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Даниэла. Дар Вечной Клятва, которую можно лишь исполнить. Отмены не будет

Северин Ворон

Иллюстратор Александр Николаевич Перелетов

© Северин Ворон, 2026

© Александр Николаевич Перелетов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-0077-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Побег

Тревога в крепости поднялась с опозданием — будто сама тьма удерживала её, не давая прорваться наружу, пока не стало слишком поздно. Кто-то из дозорных наконец заметил разгорающийся огонь и закричал: «Пожар!» Голос его прозвучал над двором, резкий и испуганный, как крик раненой птицы. Но когда стражники, сбив пламя, ворвались в зал, их охватил суеверный ужас — холодный, липкий, сковывающий кости.

То, что они увидели, не было обычной резнёй, не было и делом рук человека. Это была казнь, совершённая чем-то потусторонним, словно сама ночь обрела форму и голос, чтобы произнести приговор. Капитан рассыпался в прах — не осталось даже пыли, способной сохранить очертания тела; он просто перестал быть, будто время сожрало его целиком. Помощник бея застыл с лицом, искажённым не болью, а абсолютным, всепоглощающим ужасом, — казалось, он умер от того, что увидел нечто, чего разум не способен вынести. Солдаты судорожно молились, бормоча молитвы на разных языках, не понимая, что столкнулись с силой, которую сами же и пробудили, когда ломали чужие судьбы, не задумываясь о цене.

Но было поздно. Зверь вырвался на свободу.

Даниэла бежала по узким улочкам Арты, крепко прижимая к себе Романа. Её шаги не гремели по камню — они растворялись в шуме города, в скрипе ставен, в шёпote ветра. Сзади уже нарастал топот и крики: «Держи! Лови!» Факелы в руках стражников метались, как безумные светлячки, превращая ночь в театр теней, где каждый угол казался ловушкой, а каждый проём — западнёй.

Она свернула в тупик, прижавшись к стене, сливаясь с темнотой, становясь её частью. Их было слишком много, и даже её новая сила не могла противостоять целой крепости. Но её главная задача была не в том, чтобы сражаться, а в том, чтобы спасти Романа.

Закрыв глаза, она сосредоточилась, позволив тьме внутри себя стать инструментом. На стене тупика, словно отражение в мутном стекле, возник мерцающий образ бегущей женщины с ребёнком — призрак, сотканный из полутеней и отблесков. Стражники увидели его.

— Вон они! За угол! — раздался крик, и погоня устремилаь за призраком, слепо бросаясь в ловушку, которую сама же и создала своей паникой.

Тем временем настоящая Даниэла бесшумно перемахнула через забор в соседний двор. Её движения были плавными, почти невесомыми, будто она не бежала, а текла, как река сквозь камни.

Впереди блестела в лунном свете река Арахтос — её поверхность казалась зеркалом, в котором отражались и звёзды, и сама вечность. Мост был перекрыт, на нём стояла усиленная охрана: силуэты часовых чётко вырисовывались на фоне неба, копья поблескивали, как острые зубы. Даниэла почувствовала пробуждение голода — запах жизни от солдат был таким манящим, таким густым, что внутри неё что-то взвыло, требуя насыщения. Но она подавила его железной волей. Рисковать было нельзя. Роман был важнее любой силы, любого голода, любой тьмы.

Вместо этого она потянулась к их разуму — не грубо, не ломая, а мягко, как ветер шевелит траву. Часовым вдруг стало не по себе. Одному показалось, что за спиной кто-то есть — он резко обернулся, но там была только тень, которая тут же растаяла. Другой ощутил ледяной ужас, словно сама смерть дышит ему в затылок, и его рука невольно потянулась к амулету на груди.

— Ты слышал? — один солдат ткнул другого локтем, голос его дрожал.

— Смотри! В воде!

В тёмных водах Арахтоса им действительно мерещились тени, тянущиеся к поверхности, — длинные, гибкие, похожие на руки утопленников. Они поднимались и снова исчезали, остав-

ляя после себя круги, которые расходились по воде, как шёпот древних проклятий. Началась паника. Солдаты, теряя остатки рассудка, начали беспорядочно стрелять в реку, и вспышки выстрелов на мгновение разрывали ночь, обнажая их собственный страх.

В этот момент Даниэла с Романом проскользнула мимо них по узкой тропе вдоль берега. Их шаги тонули в шуме воды, в криках, в грохоте выстрелов. Они двигались по колено в ледяной воде, но её новое тело не чувствовало холода — холод стал её союзником, её частью.

Вскоре они выбрались на илистый берег ниже по течению. Здесь пахло тиной и сыростью, воздух был густым и тяжёлым, но он был свободным. За их спинами оставались огни Арты — они горели, как глаза крепости, следившие за ними с бессильной яростью, — и крики обезумевшей стражи, которые постепенно тонули в расстоянии.

Роман, утомлённый событиями ночи, снова заснул на её руках. Его дыхание было ровным, тёплым, и этот тихий звук был для Даниэлы дороже любого золота. Она прижала его чуть крепче, но осторожно, словно он был самым хрупким сокровищем мира.

Даниэла шла вперёд, углубляясь в предгорья. Камни под ногами были острыми, тропа — узкой и коварной, но она не чувствовала усталости. Её тело теперь принадлежало не только ей — оно служило щитом, крепостью, живым бастионом между сыном и всем злом этого мира.

Она знала: это только начало пути. Впереди их ждали новые опасности, новые враги, новые испытания. Но теперь у неё есть сын, и она сделает всё, чтобы защитить его — даже если для этого придётся стать самой тьмой, даже если придётся забыть, кем она была раньше.

Луна медленно клонилась к закату, уступая место рассвету, Даниэла повторяла как мантру обещание: пока она дышит, пока её сердце бьётся в такт с дыханием Романа, никакая сила не сможет их разлучить.

Холодный ветер хлестал Даниэлу по лицу, срывал с плеч остатки плаща и путался в распущенных волосах. Она прижимала к груди двухлетнего Романа, стараясь укрыть его поплотнее, и на ходу использовала последние крохи новых способностей: путала следы, создавала ложные отпечатки ауры, скрывала их истинное присутствие от преследователей.

Они бежали в дикие горы Эпира — туда, где скалы обрывались в море, а ущелья тонули в вечном тумане. Каждый шаг давался всё тяжелее. Силы были на исходе, но страх за жизнь сына давал новые ресурсы — она буквально переступала через собственные пределы.

— Тише, мой хороший, тише, — шептала Даниэла, укачивая Романа. — Мы почти на месте.

Это был суровый край — скалистые отроги Пиндских гор, спускающиеся к Ионическому морю. Здесь не было величественных пиков, лишь бесконечные ущелья, заросшие густым, колючим кустарником и дубовыми рощами, да голые известняковые скалы, раскалинные солнцем днём и ледяные ночью. Воздух пах сухой полынью, морской солью и прелой листвой.

Остаток ночи они провели в расщелине между двумя валунами. Даниэла кутала Романа в свой плащ, но он всё равно дрожал. Ему было всего два года. Он не понимал, почему мир вдруг стал таким страшным, почему мама несёт его куда-то в темноту и почему она сама такая холодная. Он плакал тихо, почти беззвучно, уткнувшись ей в шею, и этот тихий плач разрывал ей сердце сильнее любого голода.

Даниэла прижала сына к груди, укачивая и шепча:

— Тише, Рома, тише... Всё будет хорошо. Я с тобой.

Она знала: нужно найти более надёжное убежище. Расщелина защищала от ветра, но не от холода и не от возможных преследователей.

На рассвете, едва первые лучи солнца коснулись вершин гор, Даниэла поднялась. Роман спал, уткнувшись в её плечо. Она осторожно поправила плащ, укрывавший его, и огляделась. Вокруг были горы. Она поправила свою нехитрую амуницию и решительно шагнула вперед.

На исходе очередной ночи этого казалось бесконечного пути она нашла неглубокую ложбину, которая оканчивалась мрачным ущельем. Вдалеке, в глубине ущелья, она заметила тёмный проём — вход в пещеру, частично скрытый свисающими ветвями можжевельника.

Осторожно, стараясь не разбудить сына, Даниэла двинулась вперёд. Каждый шаг давался с трудом: ноги дрожали от усталости, её новая сущность с трудом принималась организмом. Руки затекли от долгого держания ребёнка. Но она шла, переступая через острые камни и колючие кусты, пока не достигла цели. Наконец она увидела то, что искала: узкий тёмный лаз в скале, прикрытый свисающими ветвями можжевельника. Пещера. Внутри пахло сыростью и гуано летучих мышей, но это было лучше, чем открытое всем ветрам ущелье.

Пещера оказалась глубже, чем казалось издали. Внутри было прохладно, пахло сыростью и гуано летучих мышей, но здесь не задувал пронизывающий ветер.

Даниэла осторожно опустила Романа на пол, на ворох сухих колючих веток, которые натаскала с таким трудом. Измученный и продрогший до костей, мальчик наконец уснул, завернувшись в её плащ. Она села рядом, прислушиваясь к дыханию сына и к звукам снаружи — не идут ли за ними?

Но худшее было впереди.

Даниэла посмотрела на сына и похолодела. Его губы посинели, ресницы дрожали во сне, а щёки были ледяными. Ледяной ужас сковывал её сильнее, чем холод гор. Её тело было холодным — мёртвым. Обнять его сейчас — всё равно что ему прижать к себе глыбу льда. Он умрёт к утру.

Она медленно, словно боясь разбудить сына собственным решением, сняла с себя остатки изодранного платья и закутала в них Романа. Оставшись в одной нижней рубашке, Даниэла легла рядом с мальчиком. Её кожа была бледной и ледяной на ощупь.

— Прости меня, — прошептала она, хотя он не мог её слышать. — Прости за то, что мы сейчас не дома, не в тепле. А здесь в этих горах... Так надо.

Она обняла его, притягивая к себе. Его маленькое живое тепло соприкоснулось с её мертвенным холодом. Роман инстинктивно прижался к ней в поисках тепла, и Даниэла почувствовала, как его дрожь на мгновение усилилась от контакта с её кожей.

Она не могла согреть его своим телом. Но она могла стать для него щитом. Даниэла накрыла сына трофейным плащом, а затем — своим собственным телом, как живым одеялом. Она закрыла его от сквозняка, проникавшего из глубины пещеры, от холода каменного пола. Она стала барьером между ним и враждебным миром.

Голод был звериным. Она ощущала, как его маленькое тёплое тельце пульсирует жизнью всего в нескольких сантиметрах от её ледяных рук. В какой-то момент инстинкт зверя что жил теперь в девушке затмил сознание. В глазах появилась багровая пелена. И тогда, в момент абсолютного ужаса и отчаяния, что-то внутри неё щёлкнуло. Это не была мысль. Это был древний, животный инстинкт матери, усиленный той самой силой, что текла в её венах. Материнский инстинкт оказался сильнее вампирской природы. Пересилив и отодвинув зверя Даниэла прижала к себе Романа. Она чувствовала его тепло сквозь тонкую ткань рубахи и понимала: пока она здесь, пока она закрывает его собой, он будет жить.

Не осознавая, что делает, Даниэла прокусила своё запястье. Чёрная маслянистая кровь выступила на коже — не алая, как у живых, а тёмная, почти непрозрачная, будто впитавшая в себя саму ночь, всю тяжесть теней и холод беззвёздного неба. Смочив палец в ней, она начертила на лбу спящего младенца символ — полумесяц, оплетённый корнями. Линии ложились неровно, дрожали, но сила, заключённая в крови, сама выравнивала узор, заставляя его вспыхивать тусклым, пепельным светом, прежде чем угаснуть.

Это была не печать контракта с Лилиэн, не сделка, требующая расчёта и платы. Это была Печать Крови — клятва матери на древнем языке, которую её тело поняло раньше разума:

«Моя кровь — твоя защита». Слова не прозвучали вслух, но смысл их отозвался в самой кости, в ритме сердца, в каждом атоме её существа.

Роман вздохнул во сне и прижался к ней ещё ближе, будто даже в забытии чувствовал: теперь между ним и холодом есть щит. Его дыхание стало ровнее, щёки чуть порозовели, словно кровь снова начала бежать по жилам, согревая его изнутри, прогоняя тот леденящий озноб, что сковывал его тело. Даниэла закрыла глаза, прислушиваясь к биению его сердца — тихому, но уверенному, как обещание, что он выживет.

На этом дареная сила Лилиэн закончилась. Даниэла ощутила это как внезапную пустоту, как обрыв нити: магия, что подпитывала её, иссякла, оставив лишь собственную волю и эту новую, пугающую природу. Теперь предстояло пытаться выжить самой. Она крепче прижала к себе сына, вслушиваясь в ночь.

Где-то далеко внизу, в долине, были волки — их вой был похож на песню холода и одиночества, на голос самой земли, не знающей жалости. Но здесь, в пещере, было тихо. Только где-то шебуршалась какая-то мелкая живность — возможно, летучие мыши, шуршавшие крыльями в глубине, да дышал рядом её сын — её единственная причина идти дальше, её единственный свет в этой непроглядной тьме.

И вдруг среди этого безмолвия в её сознании вспыхнул обрывок воспоминаний — строки из потрёпанной книги, которую, когда-то показывала ей старая бабушка — кормилица у Ионы в доме. Пожелтевшие страницы, выцветшие чернила, осторожные пометки на полях. «Печать Крови, — шептали в памяти слова старухи, — не даёт власти. Она не призывает бури и не рушит стены. Но она держит тьму на расстоянии, когда всё остальное уже сломалось. Она — последняя дверь, которую мать запирает за собой, чтобы ребёнок остался в тепле».

Теперь Даниэла поняла, зачем старуха так настойчиво заставляла её заучивать эти строки, повторять узор снова и снова, пока пальцы не запомнили его лучше, чем собственное имя. Печать крови — это та самая, которую нашла мать Ионы, и которую она описала в своей книге. Это практически договор матери с силой. Своей силой. Для ребёнка этот договор становится самым мощным оберегом. Эта Печать позволяет ему пользоваться силой матери. Вот она то и пригодилась. Даниэла поблагодарила провидение за то, что не выбросила из памяти те долгие, казавшиеся бессмысленными уроки. В тот миг, когда разум померк от ужаса, тело вспомнило то, что было вбито в него долгими вечерами над старой книгой.

Утром Даниэла оглядела пещеру — их новое пристанище. Узкий лаз надёжно скрывал вход: его почти не было видно за свисающими ветвями можжевельника, а если и заметишь, то легко принять за естественную складку скалы. Внутри оказалось достаточно просторно, чтобы укрыться от ветра и непогоды, но пространство дышало древностью и чуждостью — словно пещера помнила сотни жизней, промелькнувших сквозь неё, и не спешила принимать новых гостей.

Это место стало их единственным безопасным убежищем, и нужно было обустроить его как можно скорее, пока преследователи не взяли след, пока тьма, служившая ей союзницей, ещё могла скрывать их. Даниэла принялась за работу, двигаясь тихо, но целеустремлённо, будто сама спешка могла привлечь беду. Она расчистила место для сна, убрав острые камни и разложив толстый слой сухих веток и мха — грубый, но тёплый настил, способный удержать хоть немного тепла в этом каменном чреве. Рядом сложила хворост для костра: пусть огонь будет небольшим, едва тлеющим, но он даст тепло и отпугнёт диких зверей — Даниэла их не боялась, но вот когда она отлучалась из пещеры и Роман оставался один, эта мера была нужна. А ещё огонь прогонял ощущение пустоты.

Холод пробирал до костей, словно пытался добраться до самой души, выстудить из неё последние крохи тепла. Запасы еды были ничтожно малы — горсть сухих ягод да несколько лепешек, которые она положила в мешок в крепости. А страх за ребёнка сжимал сердце стальным обручем, не давая дышать полной грудью.

Даниэла стиснула зубы и взялась за дело. Огонь нужен был не ей — Роману, который спал сейчас в глубине пещеры, укутанный в плащ, похожий на маленький свёрток надежды. Она опустилась на колени у расчищенного места, разложила щепки, сухие травинки, кусочки коры — всё, что могло вспыхнуть. И принялась добывать огонь трением, как когда-то учил её муж. Когда они задержались в горах куда выбрались по ее просьбе. Брус к бруску, усилие за усилием, снова и снова.

Она никогда еще сама это не делала, но знала, что добыть огонь трением — задача непростая: потребуется много терпения, правильная древесина и сноровка. Суть в том, чтобы создать достаточно сильное трение между двумя кусками дерева, в результате чего в месте контакта появится тлеющая древесная пыль.

Первые попытки закончились неудачей: дерево лишь скрипело, не желая отдавать тепло. Пальцы кровоточили, ладони покрылись мозолями, которые тут же лопались, но она не сдавалась. Пот заливал глаза, смешиваясь с ледяной крошкой ветра, но Даниэла не замечала боли — она стала частью реальности, такой же обыденной, как холод или страх. Снова и снова она тёрла дерево, вкладывая в каждое движение не просто силу, а волю, упрямство, материнскую ярость, не позволявшую ей признать поражение. Между двумя кусками дерева, которые уже стали от трения более-менее плоскими она вложила скатанные в шарик выдранные из своего платья кусочки волокон.

И наконец — тонкая струйка дыма. Серая, едва заметная, она поднялась над деревом, как робкое обещание. Она, отложив деревяшку аккуратно раздула крохотный уголек. Ещё несколько мгновений — и появилось пламя. Оно было слабым, дрожащим, будто само боялось этого каменного пространства, но оно было! Настоящее, живое, тёплое. Даниэла подбросила в него тонкие веточки, и огонь, словно обрадовавшись, жадно вцепился в них, разросся, обрёл голос. Тёплые отблески легли на стены пещеры, отогнали тьму хотя бы на несколько шагов, и в этом свете Даниэла вдруг почувствовала, что они ещё не проиграли.

Когда костёр разгорелся и начал отдавать тепло, она посидела минуту, глядя на пламя, позволяя себе эту короткую передышку. Но времени на отдых не было.

Чтобы перебить затхлый запах пещеры, она развесила пучки сушёных трав, которые удалось собрать неподалеку: душицу, чабрец, можжевельник. Их терпкий, пряный аромат понемногу вытеснял сырость и запах гуано летучих мышей, сплетаясь с дымом и создавая странное, почти домашнее ощущение среди чужого камня.

Роман, согревшись, проснулся и с любопытством осмотрелся. Его глаза расширились от удивления: он впервые оказался в таком необычном месте, где стены были шершавыми, пол — колючим, а воздух пах не домом, а лесом и дождём. Мальчик поднялся, сделал несколько неуверенных шагов, потрогал шершавую стену пещеры, словно проверяя, настоящая ли она, поднял камешек и внимательно его изучил, будто в этой серой гальке скрывалась какая-то важная тайна.

Даниэла улыбнулась ему сквозь слёзы облегчения. Это были не слёзы радости, а слёзы усталости, прорвавшейся наружу, когда опасность чуть отступила. Она быстро порылась в доставшемся ей вещмешке и вытащила оттуда лепешку. Ребенок увидев еду радостно протянул руки. Даниэла подождала пока он насытится.

Она опустилась на колени рядом с сыном, обняла его, прижала к себе, чувствуя, как его маленькое сердце бьётся ровно и спокойно, и начала рассказывать первую сказку — не для того, чтобы отвлечь, а чтобы вернуть ему ощущение мира, где есть не только страх, но и чудеса.

— Знаешь, Рома, — тихо заговорила она, и её голос звучал здесь иначе, мягче, будто пещера впитывала резкость и оставляла только тепло, — звёзды, которые мы видим ночью, когда-то были детьми, игравшими на небе. Они бегали и прыгали, смеялись и веселились, а потом устали и решили отдохнуть. Так они и остались там, наверху, сияя для нас, напоминая, что даже в темноте есть свет.

Роман слушал, заворожённый, и в его глазах отражались отблески костра — маленькие золотые искры, пляшущие в глубине зрачков. Он прижался к матери, чувствуя её спокойствие, которое она старалась передать ему, словно пыталась укутать его не только плащом, но и своей уверенностью.

Даниэла продолжала говорить, придумывая на ходу, сплетая слова, как плетут корзину, чтобы в неё ничего не просочилось — ни страх, ни холод, ни воспоминания о том, что было. Она рассказывала про луну, которая была усталой нянюшкой, убаюкивающей звёзды, про ветер, который шептал деревьям сказки, про горы, которые стояли на страже, чтобы никто не обидел тех, кто спит.

И пока она говорила, сама понемногу успокаивалась. Её пальцы, всё ещё холодные, сжимали плечи сына, но в этом прикосновении не было напряжения — только желание удержать, защитить, сохранить. В пещере становилось теплее не только от костра, но и от этого тихого, хрупкого уюта, сотканного из слов и близости.

Где-то в глубине пещеры шевельнулась летучая мышь, тихо щёлкнули крылья, и звук этот растворился в шёпоте сказки. Снаружи ветер играл с ветвями, и казалось, что сама природа прислушивается к этому голосу, к этой истории, к матери, которая пыталась собрать мир заново — по кусочкам, по словам, по дыханию своего ребёнка.

Когда Роман наконец задремал, прижавшись к её плечу, Даниэла ещё долго сидела, глядя на огонь. Пламя танцевало, отбрасывая дрожащие тени на стены, и в этих тенях ей мерещились не враги и не преследователи, а те самые звёзды дети из сказки — они кружились в своём вечном танце, напоминая: даже если мир стал суровым, в нём всё ещё есть место чуду.

Она осторожно поправила плащ на сыне, провела ладонью по его волосам, коснулась едва заметного узора на лбу — Печати Крови, теперь ставшей почти невидимой, словно впитавшейся в кожу. Даниэла не знала, надолго ли хватит её защиты, не знала, сколько дней они смогут прятаться здесь, не знала, что ждёт их за следующим перевалом.

Но сейчас у них было это мгновение. Тёплый костёр, запах трав, тихое дыхание сына и сказка, которая на одну ночь сделала мир чуть менее страшным. И этого было достаточно, чтобы перевести дух — и быть готовой к следующему шагу.

В горах росли съедобные корни, ягоды, грибы — но нужно было знать, какие из них безопасны, а какие убьют быстрее, чем голод. Она тщательно проверяла каждую находку, вспоминая уроки бабушки — те долгие прогулки по лесам и склонам, когда старуха показывала ей, как отличить жизнь от смерти в зелёном ковре травы.

— Смотри не на цвет, а на форму листа», — говорила бабушка, наклоняясь к земле и проводя морщинистой рукой по стеблям. — Смерть часто наряжается в красивые платья. Вот эти ягоды можно есть — они кисловаты, но дадут силы. А те, с глянцевым блеском, — ядовиты. Этот гриб годится для супа, а тот вызовет отравление, от которого не поможет ни молитва, ни отвар.

Каждый шаг давался нелегко. Голод подтачивал силы, вытягивал из неё то небольшое тепло, что ещё оставалось в ней. Холод сковывал движения, делая их неуклюжими, а страх за Романа не давал расслабиться ни на минуту. Он шёл с ней, как тень, шептал на ухо: «А если ты не вернёшься? А если заблудишься? А если кто-то найдёт пещеру, пока тебя нет?» Но в такие моменты она давала себе клятву, жёсткую и холодную, как лезвие: что бы ни случилось, она защитит его любой ценой. Даже если придётся снова стать чудовищем. Даже если придётся отдать всю себя без остатка.

Она собирала корни, срывала ягоды, проверяла какие-то грибы, складывая добычу в край плаща. Руки дрожали, но пальцы помнили, как отличать безопасное от смертельного. Когда узел стал достаточно тяжёлым, Даниэла повернула назад. Идти было тяжелее — не только из-за усталости, но из-за груза ответственности. Каждый корешок, каждая ягода были не про-

сто едой, а шансом. Шансом прожить ещё один день. Шансом дать Роману ещё одну ночь без страха.

Вернувшись в пещеру, она осторожно развязала узел, разложила находки и принялась готовить. Костёр тихо потрескивал, согревая воздух, и этот звук был сейчас самым дорогим в мире. Даниэла обжаривала и варила коренья, добавляла ягоды, стараясь сделать похлёбку хоть немного вкуснее, чтобы Роман не морщился, не пугался незнакомого вкуса. Когда еда была готова, она разбудила сына.

— Вот, Рома, — прошептала она, протягивая ему миску. — Попробуй. Это вкусно.

Роман смотрел на неё большими глазами, в которых ещё таился страх, но он доверял ей. Он взял ложку и начал есть, медленно, осторожно, а потом — чуть быстрее, потому что голод оказался сильнее осторожности. Даниэла смотрела на него, и её сердце, казалось, сжималось и разжималось в такт его глоткам. Она почти не ела сама — оставляла ему больше, убеждая себя, что её новая природа выдержит.

Когда Роман доел и снова задремал, прижавшись к её боку, Даниэла посидела, глядя в огонь. Пламя отбрасывало на стены причудливые тени, и ей вдруг показалось, что среди них мелькают лица тех, кто учил её выживать: строгий, спокойный взгляд отца, мудрые, чуть насмешливые глаза бабушки. Они словно говорили ей: «Ты справишься. Ты знаешь, что делать».

Она провела ладонью по лбу сына, коснулась едва заметного узора Печати Крови. Та не светилась, не пульсировала, но Даниэла чувствовала её — тонкую, прочную нить, которая держала тьму на расстоянии.

Ночь тянулась медленно, но в пещере было тепло. Не от огня — он уже почти угас, оставив лишь тлеющие угли. Тепло было от дыхания Романа, от его доверия, от того, что сегодня они выжили. И Даниэла знала: завтра будет новый день, новые испытания, новые страхи. Но пока её сын спит спокойно, она будет стоять между ним и всем злом мира. Даже если для этого ей придётся снова и снова добывать огонь из дерева, искать еду среди ядовитых трав и смотреть в глаза самой смерти — и не отводить взгляда.

Горы здесь не прощали ошибок. Они не были ни добрыми, ни злыми — просто равнодушными, как вечность, выточенная ветром и льдом. В этих скалах водилось достаточно дичи для того, кто умел охотиться, но горы будто нарочно прятали её за отвесными стенами и узкими карнизами, испытывая каждого пришельца на прочность.

Горные козлы — кри-кри с лёгкостью прыгали по самым неприступным уступам, будто издеваясь над теми, кто не мог последовать за ними. Их силуэты чернели на фоне блёклого неба, они замирали на узких карнизах, прислушивались, втягивали воздух, чуяли опасность — и исчезали, растворяясь среди камней, словно их и не было.

Даниэла училась. Она лежала часами неподвижно среди валунов, сливаясь с серым камнем, пока мышцы не начинали ныть от напряжения, пока тело не становилось чужим от неподвижности. Она запоминала тропы, угадывала маршруты, прикидывала, где животное остановится, чтобы напиться, где сделает короткую передышку, где потеряет бдительность хоть на мгновение.

Охота оказалась сложнее, чем она думала. Голод притуплял инстинкты, делал движения резкими и шумными, выдавал её каждому чуткому уху. К полудню ей удалось загнать в расщелину старого горного козла кри-кри — дерзкое, сильное животное с витыми рогами, в котором, казалось, застыла сама упрямая воля этих гор.

Она преследовала козла почти полдня: карабкалась по осыпающимся склонам, цеплялась за колючие кусты, сдирая кожу до крови, скользила, падала, вставала и снова шла вперёд, упрямо наступая на собственную слабость. Когда наконец смогла подкрасться к нему по обрыву, используя тень и ветер, чтобы скрыть свой запах, она прыгнула — и вцепилась когтями и зубами в его шею.

Животное повалилось набок, забилося, пытаясь сбросить её, но хватка была железной, неумолимой, выкованной отчаянием и необходимостью. Борьба была короткой и грязной. Козёл брыкался, бил копытами, пытался достать её острыми рогами. Даниэла действовала руками, чувствуя, как трещат кости под пальцами, как мир сужается до одного ритма — ударов сердца добычи и собственного, бешеного.

И вдруг красная пелена застлала ей глаза. Она каждой клеткой почувствовала адский голод — не просто потребность в пище, а древний, звериный зов, который требовал утоления любой ценой. Даниэла впилась козлу зубами прямо в шею. Вонючая шерсть загривка заполнила ей рот, но она не могла остановиться. Она терзала добычу, как тигр терзает оленя, и эта ярость будто дала ей сил, наполнила пустоту внутри чем-то горячим и живым.

Это было убийство ради выживания, жестокое и необходимое. После недолгой борьбы козёл затих.

Насытившись и отпустив добычу, Даниэла упала на колени и застонала. Спазм в желудке был таким болезненным что на глаза должны были навернуться слёзы. Слёзы изнеможения. Но их не было. Даниэлу вывернуло, и она затихла рядом с поверженным жителем гор.

Немного придя в себя, она перевернулась на бок и попыталась встать. Руки дрожали, в груди не хватало воздуха, а перед глазами всё плыло. Но она знала: эта туша — не просто мясо и кровь, так необходимые ей. Это тепло, это сила, это ещё один день жизни для Романа.

Что это за красный туман и можно ли с ним бороться, она пока старалась не думать. Сейчас было важнее другое.

Со временем она научилась ставить силки на зайцев и куропаток, изучила, какие травы можно добавлять к мясу, чтобы оно не портилось быстро: душицу, чабрец, можжевельные ягоды. Они не только сохраняли мясо, но и придавали ему терпкий, пряный вкус, который Роман, к удивлению, даже полюбил. Она знала, где искать родники с чистой водой — те, что били из-под камней, холодные и прозрачные, как стекло, и никогда не зарастали тиной. Она выучила, какие ягоды и грибы безопасны.

Теперь охота стала не только борьбой, но и ритуалом. Даниэла двигалась по горам, сливаясь с ландшафтом, становясь его частью. Она чувствовала, как меняется воздух перед дождём, как ветер шепчет о приближении грозы, как земля дрожит от шагов далёкого стада. «Язык теней» становился всё яснее, а её инстинкты — острее. Иногда ей казалось, что она уже не столько человек, сколько дух этих гор — холодный, терпеливый, безжалостный к врагам, но бережный к тем, кого любит.

Однажды вечером, вернувшись с охоты, она разложила мясо на плоских камнях, чтобы подсушить его на ветру, и присела рядом с Романом. Мальчик уже не вздрагивал от каждого шороха, не прижимался к ней так отчаянно, как в первые дни. Он рос, учился замечать детали: показывал на птицу, спрашивал, куда она летит, тянулся к цветам, но теперь уже останавливался, если Даниэла тихо говорила:

— Не трогай, Рома. Этот цветок опасен.

— Смотри, — сказала она, показывая ему пучок трав. — Это чабрец. Он помогает мясу не испортиться. А вот эти листья — нельзя есть. Они красивые, но злые.

Роман серьёзно кивал, стараясь запомнить. В его глазах уже не было только страха — в них появлялось любопытство, жажда познания мира, даже такого сурового.

Даниэла смотрела на него и чувствовала, как в груди разгорается не просто любовь, а железная решимость. Она не просто выживала — она строила для него убежище в этом враждебном мире. Каждый высушенный кусок мяса, каждый найденный родник, каждый изученный куст становились кирпичиками этой защиты.

Ночью, когда Роман уже спал, она выходила из пещеры и смотрела на горы. Луна заливала склоны серебром, и скалы казались застывшими волнами, навеки окаменевшими в своём

вечном движении. Даниэла вдыхала холодный воздух, слушала тишину — и понимала: горы больше не были для неё чужими. Они стали её союзниками, её учителями, её крепостью.

Она знала: впереди будут дни, когда дичь уйдёт дальше, когда дожди смоют следы, когда холод станет таким пронзительным, что будет казаться, будто он проникает прямо в кости. Но теперь она умела отвечать на вызовы этого края. Не как чужеземец, не как беглянка, а как та, кто приняла его законы и научилась говорить на его языке.

И пока она могла ставить силки, находить воду, отличать безопасные травы от ядовитых, пока её сердце билось в такт с дыханием сына — у них был шанс. Не просто выжить, а прожить. И однажды, возможно, даже назвать эти горы домом.

Постепенно Даниэла начала замечать, как её силы меняются — не по её воле, а словно сама земля и небо переписывали её изнутри, подстраивая под этот суровый край. Будто горы не просто принимали её, а перековывали, выжигая лишнее и оставляя только то, что нужно для выживания.

В полнолуние она чувствовала прилив энергии: движения становились легче, будто гравитация теряла над ней власть. Зрение обострялось настолько, что она различала каждый камешек на тропе в лунном свете, каждую трещину в скале, каждый изгиб тени. Слух делался тоньше — улавливал даже шорох ящерицы в траве за десятки шагов, тихий хруст сухой веточки, едва слышное дыхание зверя. В эти ночи она могла пройти вдвое больше, не чувствуя усталости, и шагала по горам, как по знакомой дороге, хотя раньше эти ущелья были ей чужды. Луна будто вливала в неё холодную силу, и Даниэла принимала её — не как дар, а как обмен: ты берёшь эту мощь, но платишь за неё частью себя.

Однажды, оказавшись в незнакомом ущелье, где скалы смыкались над головой, а тропа терялась среди нагромождения камней, она вспомнила Слово ключ «Эларин». Она произнесла его шёпотом, почти беззвучно, так, чтобы даже ветер не унёс его раньше времени, и прислушалась к себе. И вдруг ощутила слабое, но чёткое направление — не как стрелку компаса, а как тягу внутри груди, как лёгкое покалывание в кончиках пальцев, указывающее путь. Это чувство вело её вперёд, настойчиво, но терпеливо, будто само ущелье подсказывало, где искать выход.

Так она нашла чистый родник, спрятанный среди скал: вода в нём была ледяной, звенящей, будто собранной из лунных лучей, и стекала по камням тонкой, непрерывной нитью. А рядом обнаружился скрытый проход — узкая, но надёжная тропа, по которой можно было спуститься в долину, минуя опасные обрывы, где один неверный шаг стоил бы жизни. Даниэла замерла на мгновение, вглядываясь в эту тропу, и поняла: горы не были ни врагами, ни друзьями. Они были испытанием, и она наконец начала понимать, как его пройти.

Со временем она начала понимать «язык теней» — смутные образы и ощущения, которые раньше казались просто игрой страха или усталости. Теперь они складывались в систему, в карту мира, которую никто другой не мог прочесть. Тень, падавшая под странным углом, могла означать, что за выступом скалы прячется зверь. Внезапный холодок вдоль позвоночника предупреждал о чужом присутствии. Едва уловимый запах железа или пота, которого не должно быть в горном воздухе, говорил о приближении человека. Эти сигналы приходили не как мысли, а как инстинкты, как рефлексы, отточенные болью и необходимостью выжить.

Она научилась ощущать присутствие живых существ на расстоянии. Когда поблизости бродил дикий зверь или приближался человек, её кожа покрывалась мурашками, а в груди возникало странное покалывание. Эти знаки приходили как внезапный холодок, едва уловимый запах или странный звук, которого не должно быть в тишине гор. Однажды ночью, когда Роман крепко спал, Даниэла вышла из пещеры, подняла лицо к полной луне и прислушалась к своим ощущениям. Она закрыла глаза и представила, что её сознание расширяется, охватывая окрестности, растекается по ущельям, скользит по склонам, прячется в расщелинах.

И вдруг увидела — не глазами, а внутренним взором — силуэт волка, крадущегося у подножия скалы. Услышала отдалённый стук копыт горного козла. Уловила запах дыма от костра, разожжённого где-то далеко в долине. Мир раскрылся перед ней, как карта, сотканная из звуков, запахов и теней.

«Я становлюсь частью этих гор», — подумала она, и в этой мысли не было страха, только принятие. Не восторг, не гордость, а спокойное осознание: она больше не чужая здесь.

Благодаря этому она успевала укрыться с Романом до того, как их обнаружат. Они прятались в расщелинах, замирали среди камней, сливались с тенями, становясь частью пейзажа, и опасность проходила мимо, не замечая их. Иногда казалось, что сама гора прятала их: ветер менял направление, заглушая их шаги, птицы умолкали, словно давая знак затаиться, а тени ложились так, что ни один взгляд не мог выцепить их из каменного узора.

Однажды вечером, когда Роман уже спал, Даниэла села у костра и посмотрела на сына. Он мирно дышал, свернувшись клубочком, как маленький зверёк, ищущий тепла, его щёки порозовели от жара углей, а ресницы чуть подрагивали во сне — наверное, ему снилось что-то хорошее, далёкое от этих гор, от холода и погони. Она осторожно поправила плащ, укрывавший его, подоткнула края, чтобы ни один сквозняк не добрался до его кожи, и прошептала в тишину пещеры:

— Я справлюсь. Мы справимся. Я научусь всему, что нужно, чтобы защитить тебя.

И в этом шёпоте не было бравады. Только твёрдая, выстраданная решимость. Теперь она была здесь, в каждом движении, в каждом вдохе, в каждом шаге по этим суровым склонам.

Пламя костра трещало, выплёвывая искры, которые взмывали к своду пещеры и гасли, не долетев, — будто сами попытки вырваться в темноту были заранее обречены. Огонь отбрасывал на стены танцующие тени, и в их причудливых очертаниях Даниэле чудились то фигуры стражей, что когда-то стояли на страже древних тайн, то силуэты волков, то смутные лица тех, кто когда-то учил её выживать. Тени жили своей жизнью: они скользили, меняли форму, шептали о прошлом, но Даниэла больше не позволяла им пугать себя.

Где-то далеко завыл волк — одинокий, протяжный вой, полный тоски и холода. Он прокатился по ущельям, отразился от скал и растворился в ночном воздухе. Но здесь, внутри, было тепло и спокойно. Не от огня — он уже почти угас, оставив лишь тлеющие угли, мерцавшие тусклым красным светом, словно остывающие угольки чьей-то угасающей ярости. Тепло шло от дыхания Романа, от его доверия, от того, что он спал, зная: мама рядом, и значит, бояться нечего. В этом доверии была самая хрупкая и самая крепкая правда.

Даниэла закрыла глаза, прислушиваясь к дыханию сына и к новым ощущениям, пробуждающимся в ней. Она чувствовала, как в её венах течёт не только кровь, но и сама суть этих гор — их холод, их упрямство, их вековую тишину. Это не было ни благословением, ни чудом: это была переплавка. Горы брали её прежнюю, мягкую, привыкшую к свету и теплу, и выковывали из неё что-то новое — твёрдое, как камень, чуткое, как натянутая струна.

Она училась слышать эту тишину, различать в ней малейший сбой, который мог означать угрозу: едва уловимый хруст камешка под чужой ногой, внезапную паузу в крике ночной птицы, странный, неуместный запах железа. Теперь тишина говорила с ней на своём языке, и Даниэла начинала его понимать.

Она знала: впереди ещё много испытаний. Будут дни, когда голод будет резать изнутри, а холод — сковывать движения так, что даже шаг станет подвигом. Будут ночи, когда погоня будет подбираться так близко, что можно будет услышать стук чужих сердец, тяжёлый и злой, совсем не похожий на ровный ритм сердца её сына. Будут моменты, когда тьма внутри неё станет слишком громкой, слишком настойчивой, пытаясь заглушить материнскую волю, обещая лёгкость силы в обмен на человечность.

Но теперь у неё есть силы встретить их лицом к лицу. Не как жертва, не как беглянка, а как та, кто знает эти горы, кто слышит их голос, кто понимает язык теней и умеет превращать

страх в оружие. И пока Роман спит, пока его сердце бьётся ровно, она будет учиться, расти, становиться сильнее — не ради мести, не ради власти, а ради одного: чтобы однажды он смог проснуться в мире, где ему не придётся прятаться. Где можно будет просто быть ребёнком, смеяться, тянуться к цветам и не слышать тихого, предостерегающего шёпота матери: «Не трогай. Этот цветок опасен».

Даниэла понимала: здесь им придётся либо научиться жить по законам гор, либо умереть. Горы не прощали ошибок, не жалели слабых и не делали исключений даже для матери с ребёнком. Они требовали уважения — и платы. Но она была готова платить. Готова была становиться холоднее, жёстче, внимательней. Готова была сливаться с тенями, дышать в такт ветру и чувствовать землю подошвами, чтобы ни один неверный шаг не стоил Роману жизни.

И в этой готовности не было ни торжества, ни отчаяния. Только спокойная, выстраданная твёрдость — как у скалы, которая столетиями выдерживает удары волн, не потому что не чувствует их, а потому что научилась быть достаточно крепкой.

Для двухлетнего ребёнка жизнь в пещере должна была стать кошмаром — сплошной чередой страхов, холода и голода, где каждый шорох — угроза, а каждый тёмный угол — ловушка. Но дети удивительно быстро адаптируются к обстоятельствам, особенно когда рядом есть любящая мать, чья уверенность становится для них щитом, прочнее любой каменной стены.

Даниэла соорудила загородку у входа в пещеру, где Роман мог играть, не рискуя внезапно быть обнаруженным. Вглубине тёмной пещеры, где тени сгущались и будто шептались о неведомых опасностях, для Даниэлы и Романа было намного безопаснее. Она тщательно проверила каждый колышек, убедилась, что конструкция устойчива и безопасна: ни один сучок не должен был поранить его нежную кожу, ни одна ветка не должна была подломиться. Для неё в этом не было мелочей — каждая деталь была частью защиты, кирпичиком в стене, которой она ограждала сына от этого сурового мира.

Чтобы отвлечь Романа от постоянного чувства голода и холода, Даниэла рассказывала ему сказки — бесконечные истории о волшебных зверях, горных духах и смелых путешественниках, которые шли сквозь бурю и не сдавались. Её голос становился мягче, когда она описывала тёплые края, полные фруктов и цветов, где деревья гнулись под тяжестью спелых плодов, а воздух был сладким от аромата жасмина. Но потом она всегда возвращалась к реальности, крепко обнимая Романа и глядя ему прямо в глаза:

— А мы с тобой — самые смелые путешественники, Рома. Мы покорили эти горы!

Его первыми игрушками стали гладкие речные камни разных размеров — тёплые от солнца, прохладные от воды, с округлыми боками, которые так приятно было перебирать пальцами. И ещё — вырезанные матерью деревянные фигурки животных. Даниэла потратила целый вечер, аккуратно выстругивая из ветки очертания козла, зайца и птицы. Лезвие ножа скользило по дереву, снимая тонкую стружку, и она старалась сделать каждую фигурку не просто узнаваемой, а живой: чуть заострить ушки, наметить клюв, выточить горб на спине козла. Роман с восторгом рассматривал каждую, гладил пальцами выточенные детали, будто хотел запомнить их на ощупь, и пытался повторить звуки, которые, по словам матери, издавали эти звери: «Бе е е», «Пи пи пи», «Чик чик чик». В его голосе было столько старания, столько искреннего желания быть частью этого мира, что у Даниэлы сжималось сердце.

Он быстро понял главное правило новой жизни: когда солнце высоко и его лучи били по скалам, обжигая камни, нужно сидеть тихо в тени, почти не дыша, чтобы не привлечь внимание ни людей, ни хищников. Днём они прятались в глубине пещеры, где было прохладнее, где воздух был густым и неподвижным, и даже тишина казалась надёжнее. Даниэла учила сына различать звуки, переводя язык гор на язык, понятный ребёнку:

— Слышишь, как ветер свистит в расщелине? Это он играет на своей флейте. Красиво, правда? А вот это — камнепад, он далеко, нам не опасен. Слышишь, какой у него голос? Он как большой жирный великан, который недоволен и ворчит.

По вечерам, когда жара спадала и скалы, накалинные за день, начинали отдавать тепло, они выбирались наружу. Даниэла показывала Роману звёзды, учила находить Большую Медведицу, водила пальцем по небу, рисуя воображаемые линии между огоньками.

— Видишь? Это большая чаша. А вот тут — ручка. Чаша всегда указывает на во-он ту звездочку. Она нужна чтобы мы могли найти дорогу. А знаешь, почему звёзды такие яркие? Потому что каждая звезда — это душа предка, которая присматривает за нами. Они не дают нам заблудиться.

Мальчик поднимал голову к небу, широко раскрыв глаза, в которых отражались тысячи далёких огней, и шептал, будто боялся спугнуть это волшебство:

— Бабушка смотрит на нас?

— Да, Рома, — тихо отвечала Даниэла, прижимая его к себе. — Она смотрит. И папа тоже. Они гордятся тобой. Ты такой храбрый.

Однажды, когда Роман научился уверенно ходить по камням — переступить с одного на другой, не падая, не теряя равновесия, словно маленькие скалы сами подставляли ему свои плоские верхушки, — он нашёл у входа в пещеру необычный камень: плоский, с отверстием посередине, будто кто-то специально просверлил его, чтобы можно было продеть шнурок. Он принёс его матери и торжественно объявил, держа находку обеими руками, как самое ценное сокровище:

— Это мой амулет!

Даниэла улыбнулась, и в этой улыбке было столько нежности и облегчения, что она почти обожгла её изнутри. Она погладила его по голове, взъерошила мягкие волосы и сказала:

— Да, Рома. Это будет твой самый настоящий первый талисман. Он будет защищать нас.

Она незаметно проверила камень — не острый ли край, не может ли он поранить, не рассыплется ли в руках от старости. Убедившись, что он безопасен, она нашла тонкий кожаный шнурок, оставшийся от старого пояса, и аккуратно пропустила его сквозь отверстие.

— Вот так, — прошептала она, завязывая узел. — Теперь он всегда будет с тобой.

Роман тут же надел его на шею, прижал камень к груди и гордо выпрямился, чувствуя себя настоящим защитником.

С тех пор этот камень стал его постоянным спутником. Он брал его в руки, когда боялся темноты, гладил, когда хотел успокоиться, и даже шептал ему свои маленькие секреты, будто камень действительно мог слушать и понимать. А Даниэла смотрела на это и понимала: не обязательно быть большим, чтобы быть храбрым. Иногда достаточно просто верить, что у тебя есть свой талисман, своя маленькая защита в огромном и суровом мире.

И пока Роман верил в свой амулет, пока он учился слушать ветер и узнавать звёзды, Даниэла знала: она делает не просто всё возможное. Она строит для него мир, в котором даже пещера может стать домом, а горы — друзьями. В этом мире, полном опасностей и холода, у них есть самое главное — они есть друг у друга. И эта связь была крепче любой брони, надёжнее любого укрытия.

Именно эти первые, самые тяжёлые месяцы закалили их обоих. Голод, холод, постоянная опасность — всё это могло сломить, но вместо этого не просто сплотило, а переплавило их в единое целое: стаю из двух существ, выживающих вопреки всему.

Даниэла училась не просто терпеть лишения — она училась становиться частью этого края. Она научилась видеть в темноте, различать очертания скал и троп там, где для обычного глаза была лишь сплошная тьма. Ориентировалась по звёздам и запахам, читала небо, как старую карту, и предугадывала погоду по поведению птиц: по тому, как они срывались с камней,

по резкости крика, по направлению полёта. Горы больше не были для неё чужими — они стали её учителем, суровым, но честным.

Роман, подражая матери, впитывал этот мир жадно и доверчиво. Он запоминал съедобные ягоды и травы, учился слушать тишину гор и понимать её язык. Он уже знал, что резкий свист горной куропатки — это тревожный крик: «Рядом опасность!», а мерное стрекотание цикад — знак, что можно выдохнуть: «Всё спокойно». В его детской памяти оседали не сказки, а правила выживания, и всё же в нём оставалось место для чуда: он верил, что камень амулет на шее действительно хранит их, и эта вера была для него такой же опорой, как материнская рука.

Они делили последний кусок мяса, последнюю горсть ягод, последнее сухое место у костра. Порой Даниэла уставала настолько, что перед глазами темнело, а ноги отказывались слушаться, и тогда Роман подходил, крепко обнимал её за ногу и говорил своим маленьким, серьёзным голосом:

— Мама, я помогу!

И от этих слов, от этой детской, но настоящей готовности стоять рядом, у неё будто открывалось второе дыхание. Силы, которых, казалось, уже не было, возвращались — не как дар, а как долг: она не имела права упасть, пока он на неё смотрит.

Так, шаг за шагом, они выстроили свой хрупкий, но упрямый порядок жизни. Не просто прятались от мира — осваивали его. Не просто выживали — учились быть сильнее обстоятельств. И именно отсюда, из этих холодных пещер, из ночей у догорающего костра, из тихих уроков среди камней и ветра, начался путь той легенды, которой предстояло стать очень длинной. Гораздо длиннее, чем целая жизнь...

Годами позже люди будут пересказывать истории о женщине, которая жила в Пиндских горах с младенцем на руках. О мальчике, который понимал язык зверей и видел опасность за много миль. О матери и сыне, ставших частью этих скал, этих ветров, этих звёзд. Слагали легенды, в которых их уже не различали по отдельности — говорили просто: «те, кого горы приняли».

Но пока они просто сидели у костра — маленький мальчик и его мать. Роман укладывался к ней на колени, тыкался носом в её плечо и засыпал, убаюканный шёпотом сказок и треском сухих веток. Даниэла гладила его по волосам, смотрела на пламя и думала: «Мы справимся. Мы выживем. И однажды расскажем нашу историю так, чтобы её запомнили на века». В этих мыслях не было ни высокомерия, ни гордыни — только упрямое, почти звериное нежелание сдаваться.

В темноте за пределами круга света шевелились тени гор, будто сами скалы прислушивались к их дыханию. Где-то далеко выла волчья стая — протяжно, тоскливо, на разные голоса, словно споря о том, чья очередь идти на охоту. Но здесь, в их маленьком мире, было тепло, было безопасно, было главное — они были вместе. И этого хватало, чтобы отогнать любую тьму.

Роман рос, привыкая к простой пище. Он с удовольствием ел мясо, которое мать готовила на костре, — солёное, с дымком, пропитанное ароматами чабреца и можжевельника. Горстями собирал дикие ягоды, которые сам учился находить, и радовался каждой находке так, будто это был драгоценный камень. Даниэла могла есть обычную еду, но это не сильно насыщало её. Сила, что текла в её венах, требовала иного, и человеческая пища была для неё не более чем горьким напоминанием о том, кем она стала.

Она ловила себя на том, что смотрит на сына, когда он ест, и завидует его простому удовольствию от пищи. Ему хватало горсти ягод и куска мяса, чтобы чувствовать себя счастливым. В этом была своя чистота, своя правда, которой ей уже не коснуться.

— Мама, попробуй! — Роман протягивал ей горсть тёмно-красных ягод, глаза его сияли от предвкушения: вот сейчас мама откусит, улыбнётся и скажет, что это самое вкусное на свете.

— Спасибо, мой хороший, — она улыбалась, беря одну, и жевала, старательно разделяя его радость. Вкус был ярким, терпким, с лёгкой кислинкой, но насыщения не приносил. Однако в этот миг ей было важно не то, что она ела, а то, что сын хотел ею поделиться. И она кивала, чуть прищуриваясь, будто действительно почувствовала что-то особенное:

— Очень вкусно, Рома. Ты нашёл самые лучшие.

Он тут же расплывался в счастливой улыбке, довольный, что смог порадовать маму, и снова тянулся к россыпи ягод на плоском камне. А Даниэла, глядя на него, понимала: её голод можно утолить только одним — знанием, что он сыт, что он в безопасности, что его детские глаза ещё долго не узнают настоящего ужаса.

И пока волчья стая пела свою песню где-то в ущельях, пока тени скользили по скалам, пока ночь накрывала горы своим холодным плащом, Даниэла шептала про себя одно и то же, как заклинание: «Я выдержу. Ради него я выдержу всё».

Пещера, ставшая их первым домом, теперь едва напоминала то дикое, сырое убежище, которое они нашли в первые дни. Даниэла долго присматривалась к склонам, выискивая нужные растения, и в конце концов отыскала заросли терновника — колючие ветви сплетались так плотно, что заметить узкий лаз мог только тот, кто знал о нём заранее. Она бережно пересаживала кусты поближе ко входу, направляя побеги, подрезая лишнее, давая им разрастаться, пока они не образовали живую стену — неприступную, ошестинившуюся шипами преграду, которая прятала их от чужих глаз.

Внутри было сухо и прохладно, а в глубине обнаружился небольшой выступ, защищённый от сквозняков нависающим козырьком скалы. Там можно было вполне комфортно ночевать. Даниэла натаскала туда сухого мха и папоротника, устроив подобие ложа: мягкое, и удобное. Теперь у них была маленькая уютная комнатка.

Она разделила пространство на зоны: место для сна, очаг, хранилище для припасов. Постепенно, день за днём, пещера превращалась из случайного укрытия в настоящую крепость. Даниэла укрепила осыпающиеся стены камнями, аккуратно подгоняя их друг к другу, словно складывая молчаливую молитву о защите. Прокопала небольшой отвод для дождевой воды: теперь влага не скапливалась на полу, а уходила по узкому жёлобу в расщелину, не оставляя сырости. Под слоем мха она устроила тайник для самых ценных запасов — тех, что должны были спасти их, если настанут совсем чёрные дни.

Каждый день она находила способ сделать их дом чуть надёжнее, чуть безопаснее. Не ради удобства — ради того, чтобы у Романа был угол, где не дует, где тепло и где никто не сможет до него дотянуться.

Иногда Роман бегал вокруг, помогая «строить крепость»: таскал камешки, раскладывал веточки, гордо объявлял, что поставил «сторожевую башню» из камней у входа. Он старательно выравнивал их, хмурил брови от усердия и оглядывался на мать, ожидая одобрения.

Даниэла смотрела на него и думала: «Он даже не понимает, насколько это всё серьёзно. И пусть не понимает, как можно дольше». В его игре была та самая надежда, которую нельзя было разрушать правдой. Для него это была забава, приключение, весёлое дело. Для неё — ежедневная, молчаливая битва за их жизнь.

И всё же она кивала, серьёзно, будто оценивая настоящую фортификацию, и говорила:

— Отличная башня, Рома. Теперь ни один волк не пройдёт мимо, не заметив нашего дозора.

Он тут же выпрямлялся, становился на цыпочки, чтобы казаться выше, и торжественно заявлял:

— Я буду охранять!

А Даниэла улыбалась, и в этой улыбке было столько нежности и боли, что она сама старалась не задерживать взгляд, чтобы не расплакаться. И пока он строит свои башенки из трёх

камешков, она будет делать всё, чтобы эти камешки оставались частью безопасного мира, а не обломками разрушенного дома.

Главной угрозой были не звери. Опасность представляли люди. По этим горам бродили отряды дезертиров, разбойничьи шайки клефтов и патрули османской стражи. Любой дым от костра мог выдать их укрытие — стать предательской меткой на фоне серых скал.

Поэтому Даниэла никогда не позволяла огню гореть днём. Она училась быть тенью среди теней: двигаться бесшумно, сливаться с изломами скал, замирать так, что даже ветер не замечал её присутствия. Она знала: в этих горах выживает не самый сильный, а самый незаметный.

Однажды они едва не попались. Даниэла развела небольшой огонь ранним утром — нужно было высушить промокшие вещи. Ливень настиг их вдалеке от пещеры, и теперь вещи были хоть выжимай, а холод уже пробирался под кожу, грозя переохлаждением Роману. Она действовала быстро, привычно, и потому не заметила, как на соседней вершине появились фигуры в длинных плащах. Клефты. Они остановились, приглядываясь к тонкой струе дыма, поднимавшейся над скалами.

Сердце Даниэлы упало, будто сорвалось с уступа и полетело вниз, в бездонную пропасть. Она засыпала пламя лежащей рядом специально подготовленной для такого случая сырой землей, схватила Романа за руку и метнулась вглубь пещеры. Прижалась к стене, зажав сыну рот ладонью — не грубо, но твёрдо. Он удивлённо посмотрел на неё, распахнув глаза, но не заплакал, не дёрнулся, не издал ни звука. Понял без слов, что сейчас тишина — это щит, который держит их на краю гибели.

Они простояли так полчаса, вжавшись в холодный камень, слушая шаги наверху, шуршание камней под сапогами, гортанные голоса, перебрасывавшиеся короткими фразами. Каждый звук отдавался в груди Даниэлы тяжёлым ударом. Ей казалось, что их дыхание слышно даже снаружи, что стук её сердца выдаёт их, как барабан, зовущий охотников. Потом шаги стали реже, голоса отдалились, и наконец всё стихло. Только эхо ещё катилось по ущельям, растворяясь в тишине.

Даниэла выдохнула — медленно, стараясь не дрожать, и крепче прижала к себе сына. Его тельце было тёплым, живым, доверчиво прижавшимся к ней. Она уткнулась носом в его волосы, вдохнула этот запах — запах ребёнка, а не дыма, не страха, не гор, — и на мгновение позволила себе поверить, что опасность миновала.

С тех пор она стала ещё осторожнее. Научилась готовить еду в углублении между камнями, чтобы дым рассеивался, распадался на тонкие нити и терялся среди скал. Разводила огонь только в ветреную погоду, когда порывы рвали дым в клочья, и всегда тушила его задолго до восхода, пока небо ещё оставалось тёмно-серым, а тени — глубокими и надёжными. Если же требовался огонь днём, то для этого были заготовлены специальные угли. Они горели ровно и не давали дыма.

Она учила Романа не шуметь, не бегать у входа, прятаться по первому знаку. Сначала это было игрой: «Давай будем мышами — мыши не топают». Потом игра стала чем-то большим. Постепенно он начал понимать правила этой жестокой игры на выживание. Когда мать поднимала палец к губам, он кивал и затихал, превращаясь в маленькую, внимательную тень. Когда она шептала «тихо», он переходил на шёпот, будто боялся спугнуть саму тишину. Когда она говорила «прячься», он нырял в дальний угол пещеры, за выступ скалы, и сидел там, сжавшись, но не плача, пока она не подаст знак, что можно снова дышать.

Иногда, глядя на сына — на его серьёзное личико, на сосредоточенный взгляд, на маленькие ручки, сжимающие игрушечный нож, который она вырезала ему из ветки, — Даниэла чувствовала, как внутри что-то сжимается от боли и гордости одновременно. Он не должен был учиться этому. Не должен был знать, что тишина спасает жизнь, что дым может стать предательством, что любой незнакомый голос наверху — это угроза.

Но в то же время она знала: они выживут. Они научатся жить по законам гор, потому что у них нет другого выбора. И если для этого Роману нужно стать тише ветра, незаметнее тени, твёрже камня — она научит его и этому. Она сделает всё, чтобы он остался живым. Чтобы однажды, когда эти горы перестанут быть крепостью и станут просто землёй под ногами, он смог забыть этот урок. Или хотя бы не вспоминать его с болью.

Благодаря «Печати Крови» связь между матерью и сыном становилась всё крепче — не как тонкая нить, которую легко порвать, а как прочная, витая верёвка, сплетённая из боли, радости и тысяч молчаливых мгновений. Даниэла могла чувствовать физическое состояние Романа на расстоянии, и эти ощущения приходили к ней не как мысли, а как собственные телесные отклики, от которых нельзя было отмахнуться:

Когда он простудился после прогулки под дождём, она ощутила тянущую боль в груди ещё до того, как увидела его покрасневшие щёки, — будто холод, пробравшийся под его одежду, дотянулся и до её лёгких.

Когда он поранил ногу о камень, её собственную ступню на мгновение пронзила острая боль, такая резкая, что Даниэла невольно пошатнулась, прежде чем поняла: это не её рана.

А если он радовался, находя необычные камешки или цветы, она чувствовала лёгкое тепло в сердце, будто кто-то коснулся его тёплыми пальцами, — и от этого тепла становилось легче дышать даже в самые тёмные ночи.

Роман, в свою очередь, интуитивно понимал настроение матери. Он научился читать её без слов, улавливая малейшие перемены: замечал, когда она напряжена, и подходил, чтобы обнять за ногу, словно хотел поделиться своим маленьким запасом спокойствия. Чувствовал, когда она устала, и предлагал: «Мама, давай отдохнём», будто всерьёз верил, что его слова могут удержать её на ногах. А когда видел, что она тревожится, начинал рассказывать какую-нибудь историю — про смелого козлёнка, который не боялся волков, или про звезду, которая светила так ярко, что прогоняла тьму. И в этих сбивчивых, детских словах было столько искреннего желания защитить её, что у Даниэлы сжималось сердце.

Эта связь стала их главным оружием выживания. Не магия сама по себе, а то, как она сплелась с их любовью, превратившись в невидимую броню, которую не пробить ни стрелой, ни страхом.

Однажды они разделились на короткое время: Даниэла отправилась проверить силки, а Роман остался у пещеры собирать сухие ветки. День был тихий, воздух пах мокрой корой и свежестью, и ничто не предвещало беды. Но вдруг Даниэла ощутила резкий укол тревоги — не своей, а словно пришедший извне, чужой и в то же время до боли знакомый. Она замерла, прислушиваясь к этому чувству, и поняла: Роман в опасности.

Бросив всё, она бросилась обратно, не разбирая дороги, цепляясь за камни, перепрыгивая через расщелины. У входа в пещеру она увидела картину, от которой кровь застыла в жилах: Роман стоял лицом к лицу с молодой рысью. Животное прижало уши, оскалилось, шерсть на загривке встала дыбом, но оно не нападало — будто само колебалось, чувствуя что-то необычное в этом маленьком, неподвижном человечке.

Роман не кричал, не бежал — он стоял неподвижно, глядя зверю прямо в глаза. В этом взгляде не было бравады, но не было и слепого ужаса: только упрямое, детское нежелание показывать страх.

Даниэла медленно подошла, не делая резких движений, не нарушая хрупкого равновесия тишины. Она не произнесла ни слова, но мысленно обратилась к сыну: «Спокойно, Рома. Не шевелись. Я рядом». И он понял — даже не услышал, а почувствовал её присутствие, как чувствуют тепло очага, когда оно наконец касается замёрзших пальцев.

Она сделала ещё шаг, тихо произнесла: «Эларин» и протянула руку вперёд — не угрожающе, а спокойно, будто предлагая рыси увидеть, что здесь нет врага. Слово легло на воздух, как тихий ветер, и что-то в нём отозвалось в самом ритме гор. Рысь замерла, потом опустила

хвост, перестала скалиться, развернулась и бесшумно скрылась в кустах, растворившись среди камней и теней.

Роман обернулся к матери. Глаза его блестели от слёз, но он не заплакал. Только выдохнул, будто только сейчас позволил себе дышать.

— Она просто хотела посмотреть, — прошептал он.

Даниэла опустилась перед ним на колени, обняла крепко-крепко, прижимая его к себе так, чтобы между ними не осталось ни воздуха, ни страха, ни расстояния.

— Ты был очень храбрым, — сказала она, глядя его по волосам, вдыхая запах дыма, трав и его детской кожи. — И ты знал, что я приду.

— Я чувствовал, — кивнул Роман, уткнувшись ей в плечо. — Ты была рядом, даже когда тебя не было видно.

Они стояли, обнявшись, а горы вокруг молчаливо наблюдали за ними. В этот момент Даниэла осознала: их связь — не просто дар «Печати Крови». Это сила, рождённая любовью, страхом, борьбой за жизнь. Сила, которая поможет им выжить здесь, в диких горах, где каждый день — испытание, а каждый шаг может стать последним.

Вечером, когда они сидели у костра, пламя тихо потрескивало, отбрасывая на стены пещеры танцующие тени, которые уже не казались страшными. Роман прижался к матери, уткнулся носом в её бок и спросил:

— Мама, а люди боятся гор и не идут сюда, а мы не боимся?

Даниэла улыбнулась, погладила его по голове, перебирая пальцами мягкие пряди.

— Потому что горы теперь — наш дом, Рома. А дом не может быть врагом. Он может испытывать нас, проверять, насколько мы крепкие, насколько смелые. Но если мы будем слушать его, он станет нам другом.

Роман задумался, будто взвешивал каждое слово, потом кивнул, будто понял что-то очень важное. Он зевнул, уткнулся носом в её плечо и почти сразу уснул, доверившись теплу и голосу матери.

Даниэла смотрела на его мирное лицо, на отблески огня в волосах, и в сердце её разливалась тихая, упрямая уверенность: пока они вместе, пока чувствуют друг друга даже сквозь расстояния и страхи, они справятся с чем угодно.

Где-то в вышине пролетела ночная птица, её крик прокатился по ущельям и растворился в тишине. Горы дышали вокруг, живые и древние, как сама память земли. А мать и сын, связанные невидимой нитью, спали, готовые встретить новый день.

В ту ночь, когда Даниэла начертала на лбу сына символ — полумесяц, оплетённый корнями, — мир для них обоих изменился. Печать Крови сработала как фильтр: она не дала «вирусу» Лилиэн перестроить организм Романа. Он не стал вампиром — его сердце билось ровно и спокойно, он дышал, чувствовал тепло и холод, вздрагивал от сквозняка и жмурился от яркого света.

Но Печать сделала нечто иное — она настроила его организм на «частоту» матери. Словно невидимая нить связала их, и с каждым днём эта связь крепла, обрастая новыми, порой пугающими оттенками.

Устойчивость. Уже через несколько недель Даниэла начала замечать перемены, сначала принимая их за обычную детскую выносливость. Роман меньше мёрз. В те дни, когда пронизывающий горный ветер заставлял её кутаться в плащ, стискивая зубы от холода, сын спокойно играл у входа в пещеру, собирая камешки и веточки, будто, не замечая ледяных порывов. Он мог долго оставаться без еды, не жалуясь на голод, — лишь иногда поглядывал на мать, будто проверяя, всё ли в порядке, и этого взгляда хватало, чтобы она торопилась поделиться последним куском.

Однажды они спустились к ручью за водой. Даниэла, опустила руку в ледяную воду чувствуя, как холод впивается в кожу сотней острых игл. Роман, не задумываясь, зачерпнул при-

горшню и плеснул себе на лицо. Капли стекли по его щекам, сверкая на солнце, как крошечные алмазы.

— Холодно? — спросила она настороженно, почти боясь услышать ответ.

— Немного, — улыбнулся он. — Но не так, как тебе, мама.

В этой фразе прозвучало не хвастовство, а простое, детское наблюдение, от которого у Даниэлы внутри всё сжалось. Она спасла его от одной тьмы, но взамен дала ему другую силу — и теперь не знала, что тяжелее: видеть его уязвимым или наблюдать, как он становится чем-то иным.

Даниэла впервые осознала, насколько острее стали у сына органы чувств. Однажды они собирали сухие ветки для костра, двигаясь по склону медленно и осторожно, когда Роман вдруг замер, поднял голову и прошептал:

— Волк.

Она не услышала ничего, не уловила запаха — только привычный горный воздух, пахнувший сухой травой и камнем. Но через минуту из-за скал донёсся далёкий вой, протяжный и холодный, прокатившийся по ущелью, как предупреждение.

Позже это повторялось снова и снова. Роман замечал опасность: чуял дым чужого костра за много миль, различал запахи трав, которые она едва ощущала, слышал шаги козюль задолго до того, как те появлялись в поле зрения. Однажды он безошибочно нашёл родник, спрятанный под слоем камней, — просто шёл, будто ведомый невидимой нитью, и остановился у нужного места, наклонился, сдвинул плоский камень и улыбнулся:

— Тут вода.

Незримая связь. Связь между матерью и сыном проявлялась в мелочах, в тех тихих, почти незаметных знаках, из которых складывалась их общая жизнь. Когда Даниэла волновалась, сердце её сжималось от тревоги, и Роман вдруг бросал игру, подходил к ней и спрашивал:

— Ты грустишь?

Они не обсуждали это вслух, но оба понимали: между ними есть что-то большее, чем слова. Он чувствовал её страх, её усталость, её упрямую, выстраданную решимость. Она ощущала его радость, его любопытство, его растущую силу.

Конечно Роман не мог полностью понять природу матери. Он замечал странности, складывал их в своём сознании, как кусочки мозаики, которую не мог собрать до конца. Он видел, как она замирает, прислушиваясь к звукам, которых он не слышит, как её глаза в темноте блещут странным отблеском, будто в них отражается лунный свет. Замечал, как она почти не ест обычной пищи, а после долгих походов возвращается бледная и напряжённая, словно что-то внутри неё выгорело дотла.

Однажды он спросил, глядя на неё своими серьёзными, внимательными глазами:

— Мама, почему ты не мёрзнешь, как я?

Она улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась тёплой и настоящей, и погладила его по голове, перебирая пальцами мягкие пряди.

— Просто я привыкла к горам, сынок.

Даниэла смотрела, как сын лазает по скалам, легко и уверенно, будто горный козлёнок, будто эти камни сами подставляли ему свои плоские верхушки. Он смеялся, когда ветер трепал его волосы, и тянул руки к солнцу, словно хотел поймать его лучи. А она стояла внизу, прижав ладонь к груди, и думала о том, что сотворила той ночью.

Она спасла его — но и изменила. Он не был вампиром. И всё же он уже не был совсем обычным ребёнком.

«Моя кровь — твоя защита», — вспомнила она слова клятвы, прозвучавшие тогда, в темноте, когда она чертила символ дрожащей рукой, не зная, сработает ли он, не станет ли хуже.

Теперь она видела, как эта защита работает. Роман рос — и рос вместе с ним дар Печати. Он был её сыном, её продолжением, её спасением. И пока между ними существовала эта связь, пока она чувствовала его дыхание, и он слышал её сердце, они могли противостоять всему миру.

Даже тьме, что когда-то коснулась её души.

Несколько лет в горах пролетели мгновенно как чайка над небольшой долиной. С каждым годом жизнь в горах становилась чуть легче — не потому, что природа становилась щедрее, а потому, что Даниэла и Роман учились понимать её язык, читать её намёки и уважать её жёсткие правила. Горы не дарили ничего просто так, но тем, кто слушал, они давали шанс.

Даниэла совершенствовала навыки охоты, и в её движениях появилась та особая, экономная точность, когда ни один шаг не делается впустую. Теперь она ловко ловила мелких животных: различных сурков, кроликов, а если везло — фазана, чей крик порой разносился по ущельям, словно предупреждение. Она изучила звериные тропы, запомнила, где камни лежат так, что создают естественный заслон, и ставила силки возле водопоя, где дичь появлялась с завидной регулярностью. Наблюдая за сезонными миграциями птиц, она запоминала, когда и где появляются стаи перелётных пернатых, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте.

Она учила Романа отличать съедобные растения от ядовитых, и эти уроки были не сухими наставлениями, а почти игрой, в которой каждое знание могло однажды спасти жизнь. Они вместе бродили по склонам, и мать показывала сыну:

Вот дикий чеснок — его легко узнать по острому запаху, достаточно потереть лист между пальцами, и этот резкий, живой аромат будто подтверждал: здесь есть жизнь, здесь можно держаться;

Вот эти ягоды тёмного цвета можно есть только полностью созревшими — зелёные ядовиты, и она показывала ему разницу так, чтобы он навсегда запомнил: природа не прощает спешки;

Молодые побеги папоротника, если их отварить, а потом обжарить, становятся мягкими и питательными, и в их вкусе была сама весна — свежая, чуть горьковатая, но дающая силы;

Корни рогоза, растущего у ручьёв, богаты крахмалом и могут спасти от голода, и она учила его выкапывать их осторожно, не тревожа лишнего, потому что даже в выживании нужно знать меру.

Однажды, во время очередного обхода, они нашли небольшую впадину в скале, идеально подходящую для сбора дождевой воды. Даниэла взяла острый камень и принялась аккуратно расширять углубление, действуя терпеливо, слой за слоем. Потом она показала Роману, как сделать фильтр, чтобы собранную воду можно было пить без риска.

«- Смотри внимательно», — сказала она, укладывая на дно впадины кусок грубой ткани, снятой с одной из её старых перевязок. — Это дренажный слой. Он нужен, чтобы песок и мох не вымывались, когда пойдёт вода. Если этого не сделать, весь фильтр просто унесёт потоком.

Роман склонился ниже, стараясь не пропустить ни слова.

— Дальше — мох, — продолжила Даниэла, укладывая его плотным, но не слишком толстым слоем. — Он задерживает самые мелкие частицы и немного впитывает лишнее. Но сам по себе он не справится.

— А песок? — спросил Роман.

— Песок — сверху. Только его надо сначала промыть и прокалить на огне, чтобы никакой грязи не осталось. Он будет отсеивать то, что проскочило через мох.

Они вместе принесли песок, который Даниэла заранее прогрела на плоском камне над костром. Роман старательно насыпал его ровным слоем, а потом вдруг остановился.

— Можно ещё мох сверху? — предложил он. — Чтобы ничего не попало.

Даниэла улыбнулась:

— Молодец. Иногда дополнительный слой мха сверху помогает лучше удержать пыль и листья. Но помни: слои не должны быть слишком толстыми. Вода должна проходить сквозь них медленно, но свободно. Если сделать слишком плотно, фильтр просто перестанет работать.

Когда они закончили, Роман отступил на шаг, осмотрел их работу и гордо заявил:

— Теперь вода будет чистой.

— Да, — улыбнулась Даниэла, и в этой улыбке было столько гордости, что она почти обжигала изнутри. — И ты всё сделал правильно. Ты понял самое главное: тут нельзя торопиться и нельзя пропускать ни одного шага.

Он выпрямился, стараясь казаться выше, и кивнул, будто принимая эту ответственность как что-то очень взрослое. В тот момент Даниэла вдруг отчётливо поняла: он больше не тот малыш, который прятался у неё за спиной. Он становился её напарником — не по необходимости, а по выбору, по тому тихому, упрямому желанию быть полезным, быть нужным.

С тех пор у них появился свой маленький, но надёжный источник. Когда шли дожди, впадина наполнялась, и вода, проходя через слои фильтра, становилась прозрачной и безопасной. Роман каждый день проверял его: трогал мох, смотрел, не забился ли песок, не сдвинулись ли слои от сильного ливня. И каждый раз докладывал матери:

— Всё хорошо, мама. Фильтр работает. Вода чистая.

И Даниэла кивала, стараясь не показывать, как сильно её это трогает. Потому что в этих словах было не просто сообщение — в них была забота. Он учился не только выживать, но и беречь то, что у них есть.

По вечерам, когда солнце садилось и скалы окрашивались в тёплые, почти золотые тона, они сидели у входа в пещеру и перебирали дневные находки: пучок дикого чеснока, горсть ягод, несколько сухих веток для костра. Иногда Роман доставал свой камень амулет, гладил его пальцами и спрашивал:

— Мама, а мы всегда будем жить в горах?

Даниэла вздыхала, подбирая слова так, чтобы не напугать его, но и не солгать:

— Пока нам нужно быть здесь, Рома. Но когда-нибудь мы найдём место, где будет не только безопасно, но и спокойно. Где не придётся каждый день думать о воде и еде.

— А я хочу, чтобы там тоже были горы, — тихо говорил он. — Потому что они научили меня быть храбрым.

И она улыбалась, обнимая его крепче, и думала: возможно, именно в этом и есть их спасение — не в том, чтобы сбежать от гор, а в том, чтобы однажды перестать их бояться. Чтобы Роман мог смотреть на эти скалы и видеть не только опасность, но и дом.

Охота в этих горах требовала не только выносливости, но и оставаться невидимыми — быть не просто тихими, а будто бы и вовсе не существующими для чужого взгляда. Даниэла учила сына двигаться бесшумно, и в этих уроках не было спешки: она заставляла его повторять одно и то же по десять раз, пока движение не становилось естественным, как дыхание.

Сначала — по мягкому мху. Здесь шаги почти не слышны, но именно тут таилась коварная ловушка: под пушистым ковром могли прятаться сухие веточки, и один хруст мог выдать их за сотни шагов. Даниэла показывала, как ставить ногу аккуратно, всей стопой, сначала проверяя поверхность носком, будто прощупывая тишину.

Потом — по каменистым склонам. Тут нужно было выбирать места, где камни лежат прочно, не шатаются, не поют под весом. Она учила ступать легко, как горный козёл: не давить, а опираться, чувствовать, где камень держит, а где готов сорваться вниз.

Она показывала, как прятаться в скалах, сливаясь с рельефом, становясь частью камня.

Замирать у вертикальной стены, прижимаясь к ней всем телом так, чтобы силуэт растворялся в линии скалы;

Прижиматься к выступу, становясь почти неотличимым от камня — никаких выступающих плеч, никаких очертаний, только плоскость и тень;

Использовать тени для укрытия — в сумерках они скрывали лучше всего, и Даниэла заставляла Романа запоминать, как меняется рисунок теней в течение дня, чтобы знать, где в каждый час можно стать невидимым.

Роман быстро учился. Он уже мог проползти вдоль скалы так тихо, что даже мать не замечала его движения, пока он сам не решал подать знак — лёгким шорохом камешка или едва уловимым вздохом. Она не хвалила его сразу: сначала проверяла, не случайность ли это. Просила повторить. И он повторял, снова и снова, с упрямой сосредоточенностью, которая заставляла её сердце сжиматься от гордости и страха одновременно.

Особое внимание Даниэла уделяла тому, как не оставлять следов — ведь горы не прощали небрежности. Она показывала, как нужно соблюдать простые, но важные правила.

Обходить сырые участки земли, где отпечатается след, потому что влажный след держится намного дольше, чем крик в ущелье;

Ступать по камням, которые не сдвинутся под весом, ведь даже один сдвинутый камень мог выдать путь опытному глазу;

Маскировать отпечатки веток, если пришлось прокладывать путь через кусты, — она учила возвращать сломанные веточки на место, присыпать сухой травой, делать так, чтобы природа выглядела нетронутой.

Даниэла показывала сыну, как складывать дрова так, чтобы огонь горел ровно и не давал много дыма: сухие ветки, уложенные шалашиком, тонкий слой коры для розжига, ни в коем случае не сырые поленья, которые чадили. И как гасить его полностью, не оставляя тлеющих углей: не просто заливать водой, а перемешивать золу, проверять, нет ли скрытого жара, и только убедившись, что ни одна искра не выжила, считать костёр потушенным.

В своих путешествиях по горам они редко спали дважды подряд в одном и том же месте. Основная пещера служила главным убежищем, но на случай внезапного нападения у них были подготовлены небольшие укрытия среди скал — узкие щели, углубления в склонах, скрытые заросли кустарника. Каждое из них имело свой секрет: скрытый вход, запасной выход, место, где можно было прижаться к камню и стать невидимым. Даниэла заставляла Романа запоминать их все, находить в темноте, узнавать по едва заметным знакам — сколу на камне, особо изогнутой ветке, странному расположению камней.

Однажды, они провели три ночи подряд в разных местах. На четвёртый день, вернувшись в основную пещеру, мальчик с гордостью сказал:

— Мы как горные духи! Никто нас не найдёт!

Даниэла улыбнулась, потрепала его по волосам, но в улыбке её была не только нежность, но и тяжесть понимания: он радовался тому, что считал игрой, а она знала, что это их единственная защита.

— Да, Рома, — тихо сказала она. — Мы — духи гор. И горы защищают тех, кто уважает их правила.

Вечером, когда они сидели у небольшого, почти бездымного костра, пламя которого едва освещало их лица, Роман вдруг поднял голову и спросил:

— Мама, а почему мы всё время прячемся? Другие дети, наверное, живут в домах, где не надо всё время оглядываться.

Даниэла задумалась, подбирая слова так, чтобы не напугать его, но и не солгать. Она знала: он уже не тот малыш, который принимал всё на веру. Он видел слишком много, чтобы довольствоваться простыми ответами.

— Потому что есть люди, которые не понимают, что горы — это не место для войны, а дом для тех, кто умеет жить в гармонии с ними. Мы не прячемся от жизни, Рома. Мы учимся быть её частью. И пока мы уважаем эти правила, горы будут хранить нас.

Мальчик кивнул, будто понял что-то важное, глубже, чем слова. Он подбросил в огонь ветку, посмотрел, как искры отрываются от пламени и улетают в ночное небо, растворяясь среди звёзд.

— А если кто-то всё-таки нас найдёт? — спросил он тихо, не глядя на мать, будто боялся услышать ответ.

Даниэла помолчала, потом наклонилась к нему, положила ладонь на его плечо — не для того, чтобы удержать, а, чтобы он почувствовал: она рядом.

— Тогда мы будем защищать друг друга. Как горы защищают свои вершины от ветра. Не силой, а упорством. Не криком, а тишиной. И знаешь, что самое сильное в тишине, Рома?

Он покачал головой.

— То, что её нельзя сломать. Её можно нарушить, но не уничтожить. Пока мы слышим друг друга, нас не победить.

Роман ещё немного посидел, обдумывая её слова, потом придвинулся ближе, положил голову ей на плечо и прошептал:

— Я буду слушать тишину. Чтобы слышать тебя.

И Даниэла обняла его, прижимая к себе, чувствуя, как его маленькое сердце бьётся в такт с её собственным. Горы молчаливо наблюдали за ними, принимая их как своих. В их суровом спокойствии было обещание: пока мать и сын уважают законы этого края, пока они учатся быть его частью, скалы будут хранить их, как хранят древние тайны, о которых не рассказывают чужакам.

Горы Эпира, угрюмо вздымавшиеся над окрестностями Арты, в полнолуние казались не просто скалами — они превращались в исполинские стражи, чьи тени тянулись по долинам, словно живые руки. Для Даниэлы эти ночи были не временем охоты, а временем испытаний. В час, когда луна наливалась серебром и её свет ложился на камни холодным сиянием, она поднималась на вершину скалы — туда, где ветер срывал с губ лишние слова, оставляя только тишину и голос собственной силы.

Стоя на краю, закрывая глаза, она прислушивалась к ритму гор: к шороху камней, сползающих по склону, к далёкому крику ночной птицы, к едва уловимому дыханию земли. Это был её собственный урок, самый суровый. Голод был её самым жестоким учителем. Он то затихал до глухого, ноющего чувства, почти забытого, то вспыхивал с такой силой, что темнело в глазах, а в ушах нарастал гул, будто сама тьма шептала ей: «Сдайся. Дай мне волю».

Даниэла знала, что внутри неё живёт нечто, что-то только делает вид, будто спит. Оно ждало подходящего часа, чтобы завладеть её телом, подчинить волю, превратить её в орудие чистой, безжалостной силы. И потому она выстроила строгий кодекс, ставший её якорем: она пила кровь только диких животных — горных коз или оленей, — утоляя жажду, но не позволяя себе большего. Это удерживало рассудок, не давало тьме поглотить её целиком. Но даже убивая на охоте горного козла и вдоволь напившись его крови, с каждым разом она чувствовала, как это нечто внутри ворчит, шевелится, пробует границы её воли.

А пока этого не случилось, она училась управлять тем, что дала ей Лилиэн, оттачивая способности, подпитываемые лунным светом. Сначала она научилась видеть в абсолютной тьме так же ясно, как днём: различала каждый камень, каждую веточку, видела, как порхают ночные бабочки и как крадётся лиса у подножия горы. Потом — чувствовать биение сердец живых существ на расстоянии. Однажды она стояла неподвижно, и перед её внутренним взором вспыхивали ритмы: быстрый, испуганный стук зайца в норе за сотню шагов, тяжёлый, размеренный пульс оленя в ущелье, неровное, прерывистое биение сердца Романа в пещере — тёплое, родное, как маяк.

Она создавала небольшие иллюзии — отводила глаза случайным путникам, заставляя их сбиваться с тропы, видеть пустоту там, где она стояла. Тени становились её союзниками: мысленным усилием она заставляла их стучаться вокруг себя, обвивать плечи, тянуться к

земле, скользить по скалам. Иногда она заставляла тень расти, превращая свой силуэт в грозную фигуру, пугающую диких зверей, — и тогда волки останавливались, прижимая уши, и обходили её стороной.

Ещё она училась читать ауры живых существ, различать оттенки чужих эмоций, будто видела мир сквозь тонкую, переливающуюся вуаль. Она видела страх. Он мерцал тускло фиолетовым, дрожащим, как пламя на ветру. Гнев горел багровым, пульсирующим светом, будто в груди человека тлел уголёк, а спокойствие струилось мягкими волнами бирюзы, текучими и ровными, как вода в горном озере.

Но так или иначе все эти знания и умения были очень энергозатратны. После того как она настраивалась на шёпот гор, ей нужен был длительный отдых. Порой несколько дней. Ничего не давалось бесплатно.

Луна, особенно полная подпитывала её магию, и Даниэла чувствовала, как энергия струится по венам, наполняет каждую клеточку тела, сливаясь с холодом камня и ветром, гуляющим по ущельям. В такие моменты она ощущала единство с горами, будто сама стала их частью — скалой, ветром, тенью.

В одну из таких ночей, когда небо было особенно чистым, а луна висела над горами, как серебряный клинок, Даниэла стояла на вершине и вдруг почувствовала не только чужие эмоции, но и странное, чужое присутствие. Где-то далеко, на соседней гряде, мелькнул багровый отсвет — гнев, резкий и холодный, не звериный, а человеческий. Она замерла, прислушиваясь не ушами, а всем своим существом. Шагов не было слышно, но она чувствовала: кто-то двигался по склону. Не охотник. Не пастух. Тот, кто пришёл не за дичью.

Её тень вдруг сама собой потянулась вперёд, сливаясь с ночной тьмой, становясь непроницаемой. Даниэла не шевельнулась, но внутри неё всё напряглось, как тетива лука. Она не могла позволить себе броситься вниз, к Роману: любое резкое движение могло выдать её. Оставалось только ждать и слушать.

Через несколько минут багровый свет погас, будто его накрыли ладонью. Чужой гнев ушёл, растворился среди скал. Даниэла выдохнула, но напряжение не отпустило её. Она поняла: горы учили её не только силе, но и тому, что сила — это не только умение побеждать. Это умение защищать.

Горы Эпира в полнолуние казались не просто скалами — они становились исполинскими свидетелями, которым Даниэла невольно доверяла свои тайны. И в ту ночь, когда багровый отсвет чужой ярости растаял среди ущелий, она вернулась в пещеру не просто уставшей, а с ощущением, будто сама тишина вокруг стала тяжелее.

Роман спал, сжимая в руке деревянный нож, и дышал ровно, по-детски доверчиво. Даниэла опустилась рядом, коснулась его волос, проверила, не замёрз ли он, и только тогда позволила себе на мгновение закрыть глаза. Лунная энергия всё ещё гудела в груди, но рядом с ним она словно оседала, как пепел после костра, становясь тише, мягче.

Но стоило ей выйти наружу и снова поднять взгляд к луне, как это чувство возвращалось — не как холод камня и не как дыхание ветра, а как жар, поднимающийся изнутри. Огонь внутри неё разгорался. Не тот, что согревает, а тот, что требует выхода. Он шептал о клятве, о долге, о мести, которую она когда-то поклялась свершить. И с каждым полнолунием этот шёпот становился громче.

Даниэла помнила ту ночь, когда давала клятву: слова ложились на воздух, как тяжёлые камни, и каждое из них было обещанием, от которого нельзя отказаться. Она клялась, что не позволит той тьме, что коснулась её, победить. Клялась, что защитит Романа любой ценой. И ещё — что однажды встанет лицом к лицу с теми, кто всё это начал. С теми, кто связал её с этой силой, кто бросил её в эту бурю и даже не оглянулся.

Теперь она чувствовала: время приближается. Не календарными днями, не сменой сезонов, а этим внутренним жаром, который уже нельзя было спутать ни с лунной энергией, ни с голодом, ни с усталостью. Это был зов её собственной воли, наконец-то собравшейся в кулак.

Она стояла на вершине, позволяя ветру бить в лицо, и смотрела на тёмные хребты, уходящие вдаль, туда, где, как она знала, прятались дороги, ведущие к старым обидам. Её тень, послушная и густая, обвивала ноги, будто пыталась удержать, напомнить, что внизу, в пещере, спит самое дорогое. И Даниэла слушала этот шёпот тени, слушала, но не позволяла ему погасить огонь.

«Ещё немного, — шептала она себе, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. — Ещё немного времени, чтобы он стал крепче. Чтобы научился слышать тишину. Чтобы мог постоять за себя, если...»

Она не договаривала даже в мыслях. Но это «если» висело над ней, как острый край скалы.

Однажды, вернувшись с ночной тренировки, она застала Романа сидящим у входа в пещеру. Он не спал, хотя уже давно должен был. В руках он крутил свой деревянный нож, а глаза были серьёзными, не по-детски внимательными.

— Мама, ты опять уходила туда, где луна светит сильнее, — тихо сказал он, не спрашивая, а скорее утверждая.

Даниэла замерла, подбирая слова. Хотелось привычно улыбнуться, погладить его по голове и сказать что-нибудь простое: «Я проверяла ловушки» или «Смотрела, не идёт ли дождь». Но в его взгляде было что-то, что не позволяло солгать. Он уже не верил в простые ответы.

— Да, Рома, — сказала она, опускаясь перед ним на колени, чтобы их глаза оказались на одном уровне. — Я училась быть сильнее.

Он помолчал, потом поднял на неё взгляд:

— Ты становишься как горы? Твёрдой и молчаливой?

Она улыбнулась, и на этот раз улыбка вышла настоящей, хоть и грустной:

— Я стараюсь быть такой, чтобы защитить нас.

— А если горы захотят кого-то наказать? — неожиданно спросил он. — Они ведь могут быть страшными, когда гроза ударяет в скалы.

Даниэла на мгновение закрыла глаза. В его словах прозвучало то, чего она боялась больше всего: он чувствовал не только её усталость и тревогу, но и этот внутренний огонь, который разгорался всё ярче.

— Горы не наказывают просто так, Рома, — проговорила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Они отвечают на силу силой. И иногда, чтобы защитить что-то очень важное, приходится стать такой же твёрдой, как они.

Он кивнул, будто принял это объяснение, и протянул ей руку:

— Тогда я тоже буду учиться быть твёрдым. Чтобы, когда придёт время, стоять рядом с тобой.

Даниэла взяла его маленькую ладонь в свою, прижала к груди, туда, где под рёбрами билось сердце, в котором сейчас бушевал не просто голод или сила, а клятва, ставшая частью её крови. Она не хотела, чтобы он стоял рядом в тот день, когда ей придётся вершить месть. Не хотела, чтобы он видел, какой может быть эта твёрдость. Но в то же время знала: возможно, именно его вера в неё не даст огню превратиться в пепел ярости.

Ночью, когда Роман уснул, прижавшись к ней, Даниэла мягко встала и снова вышла на вершину. Луна висела над горами, как серебряный клинок, и её свет резал тьму, обнажая острые края скал. Даниэла подняла голову и прошептала в ветер, будто адресуя слова не небу, а самой клятве:

— Скоро. Я не забуду. Я сделаю то, что должна. Но сначала — он должен быть в безопасности.

Тени вокруг неё сгустились, словно соглашаясь. Горы молчали, но в их молчании она слышала ответ: они знали. Они ждали. И они были готовы стать не только её домом, но и её союзниками в том, что должно было случиться.

Третий четвёртый день после полнолуния: сила ещё держалась в ней, густая и тяжёлая, как остывающий расплавленный металл. Она уже не жгла, не застилала глаза красной пеленой, а лежала внутри ровным, плотным жаром — послушная, отточенная. Ярость не затмевала разум: теперь это была не слепая буря, а острiente клинка, направленное точно в цель.

Перед уходом Даниэла целовала Романа в лоб, касаясь губами тёплой кожи, запоминая этот запах — запах ребёнка, покоя, дома.

— Спи крепко, мой лев, — шептала она. — Я скоро вернусь.

Он улыбался во сне, доверчиво подставляясь этому лёгкому прикосновению, и она на мгновение задерживала дыхание, будто пытаясь удержать в груди это тепло, чтобы оно служило ей щитом там, внизу, среди людей.

Она спускалась к поселениям бесшумно, сливаясь с сумерками, становясь частью теней, скользящих между домами. Её цель была проста и страшна: найти кого-нибудь из её мучителей. Его. Того, кто начал всё это. Но она не бросалась на первый же знакомый силуэт, не поддавалась порыву. Сначала изучала привычки: когда человек выходит из дома, куда ходит, с кем общается, где чувствует себя в безопасности. Она наблюдала, как он расслабляется, как опускает плечи, когда думает, что никто не смотрит, как смеётся над чьей-то шуткой, не зная, что за ним уже следят.

Даниэла выбирала момент, когда люди были наиболее беспечны. И тогда она действовала быстро, бесшумно, словно сама тень. Проверяла дома, деревни. Но пока никто не был найден. Ни один из тех, чьи лица преследовали её в снах, не попался на её пути.

Но она не расстраивалась. В этом не было отчаяния — только холодная уверенность. Даниэла знала: когда час мести настанет, она будет чётко знать, где находятся её мучители. Хоть разъедутся они по разным ущельям Пиндских гор, хоть спрячутся за каменными стенами монастырей, хоть укроются в самых глухих деревнях Эпира — она почувствует их. Кровь, связавшая её с луной и с самой землёй, не даст им скрыться.

Возвращаясь, она никогда не рассказывала Роману о своих вылазках. Он был ещё мал, чтобы знать правду о её пути, о той тьме, что тянулась за ней, как длинный, тяжёлый плащ. Но иногда, проснувшись ночью, мальчик шептал, будто разговаривая не с ней, а с самой тишиной:

— Мама, ты была далеко. Я чувствовал.

Эти слова каждый раз сжимали её сердце — одновременно и ранили, и давали силы. Он не спрашивал, куда она уходит. Не просил рассказать. Но его чуткость, обострённая их общей связью, не позволяла ей притворяться, будто она просто собирала травы или проверяла силки.

Даниэла лишь улыбалась и гладила его по голове, перебирая мягкие пряди, вдыхая этот родной запах, чтобы смыть с себя холод ночных троп.

— Да, Рома. Я была далеко, но я всегда рядом с тобой.

И это была правда — не утешительная ложь, а самое глубокое, что она могла ему дать. Даже когда её ноги ступали по чужим землям, даже когда её руки сжимались в кулаки от ненависти, её сердце оставалось здесь, в этой пещере, у его изголовья.

Однажды, вернувшись позже обычного, она застала Романа не спящим, а сидящим у входа, подтянув колени к груди. В его глазах не было страха — только серьёзное, взрослое ожидание.

— Ты задержалась, — сказал он просто, без упрёка.

Даниэла опустила рядом, не пытаясь казаться легче или беззаботнее.

— Прости, Рома. Сегодня ночь была длиннее.

— А она всегда такая, когда ты уходишь — сказал он, глядя на неё прямо, без детских уловок.

Она помолчала, подбирая слова, которые не были бы ни ложью, ни слишком тяжёлой правдой.

— Когда-нибудь ночи станут обычными. И я больше не буду уходить.

— Хорошо, — тихо сказал он и вдруг потянулся к ней, уткнулся лицом в её плечо, крепко обхватив руками. — Тогда я буду ждать. Даже если ночь длинная.

Даниэла обняла его, прижимая к себе так сильно, как только могла, не причиняя боли. В этом объятии было всё: и её клятва, и её месть, и её страх, и её любовь. Она думала о том, что её путь — это не только дорога к возмездию. Это ещё и дорога, которую она должна пройти так, чтобы однажды иметь право вернуться и сказать: «Теперь мы в безопасности».

Позже, когда Роман наконец уснул, свернувшись калачиком у неё под боком, Даниэла снова вышла наружу. Луна уже теряла свою полную силу, её свет стал мягче, серее, но в горах он всё ещё ложился на камни, как тонкий слой льда. Она подняла лицо к небу и прошептала, будто обращаясь к той силе, что жила в ней:

— Пусть день придёт. Пусть я найду их. Но пусть он будет готов. Пусть он будет в безопасности.

Ветер скользнул по её лицу, холодный и честный, и ей показалось, что горы тихо ответили: они слышат. Они помнят. И они будут хранить то, что ей дороже всего, пока она идёт по своей тропе.

Фаза растущей луны — время для тишины. Для того, чтобы слышать, как бьётся чужой страх, как скрипят сапоги на камнях, как шепчутся тени в узких переулках. В эти дни Даниэла не искала встречи — она собирала сведения, складывая их в памяти, как охотник складывает стрелы в колчан: каждая деталь могла однажды стать решающей.

Те стражники, которых она тогда, при побеге, под влиянием заёмной, пьянящей голову силы Лилиэн отправила на суд небесный, были лишь частью её карателей. Мелкие звенья цепи. А ей нужно было добраться до тех, кто эту цепь сковывал. Она знала: остальные здесь, прячутся за каменными стенами Арты, носят тяжёлые плащи и думают, что горы их не достанут. Но горы всё слышали. И Даниэла слушала их шёпот.

Она пряталась в тени домов, сливалась с сумраком переулков, становилась невидимой, как сквозняк, который проскальзывает между ставнями и исчезает, не оставив следа. Она запоминала маршруты, распорядок дня врагов, расположение охраны. Отмечала каждую мелочь, потому что в её войне не было места случайностям:

Нужно было выявить, когда сменяются караулы — чтобы знать, в какой миг оборона становится чуть тоньше, в какое время зажигают огни на сторожевых башнях — чтобы точно знать, когда мир погружается в ту самую полутьму, где она была сильнее всего.

Она выясняла какие тропы используют торговцы и солдаты. Узнавала где находятся тайные ходы — чтобы зайти с той стороны, откуда не ждут;

Все ключевые детали она записывала на бумаге условными знаками — так, чтобы даже если бересту найдут, никто не смог прочесть её историю. Только она и тот, кому она доверяла больше всего на свете. Знаки были простыми, но точными:

Круг с точкой — наблюдатель на посту;

Зигзаг — опасный участок пути, где камни крошатся под ногой, а эхо разносит каждый шорох;

Полумесяц со стрелкой — место засады, где тень ложится так, что сама природа становится союзником;

Перекрёщённые линии — запрет, опасность, место, куда нельзя ступать, если хочешь остаться в живых.

Позже, у костра, когда пламя уже не ревело, а тихо шептало, согревая их в прохладе гор, Даниэла показывала эти знаки Роману. Как уроки выживания — так ей было легче.

— Видишь этот символ? — спрашивала она, водя пальцем по шероховатой бересте, где углём был выведен круг с точкой. — Что он означает?

Роман, сосредоточенно хмуря брови, склонялся над рисунком, будто перед ним лежала карта целого мира, и от его ответа зависело, найдут ли они дорогу домой.

— Это значит, там кто-то следит, — говорил он уверенно. — Надо идти другой дорогой.

Даниэла кивала, стараясь не выдать, как сильно сжимается её сердце от этой взрослой серьёзности в его голосе.

— Верно. Ты всё запоминаешь быстрее, чем я ожидала.

Он поднимал на неё глаза, в которых ещё оставалось детское любопытство, но уже проглядывало что-то иное — то самое упорство, граничащее с упрямством, тихое, твёрдое, как камень, который годами держит на себе тяжесть гор.

— А этот? — он тыкал пальцем в зигзаг. — Это где тропа ломается?

— Да. Там камни лежат неровно, и, если пойти напрямик, любой услышит, как они катятся. А звук в горах — самый опасный предатель.

Роман кивал, запоминая. Потом вдруг проводил пальцем по полумесяцу со стрелкой.

— А это... это как мы прячемся у скалы? Когда ты говоришь: «Замри, я сама».

Даниэла на мгновение задержала дыхание. Он не просто складывал знаки в картинку — он видел за ними живые сцены. И это пугало её. Потому что он учился не только выживать. Он учился понимать, что иногда прятаться приходится не от ветра и не от дождя, а от людей, которые приходят с огнём и железом.

— Почти, — тихо сказала она. — Это место, где можно стать невидимым. Где тень помогает тебе.

— Я тоже хочу уметь становиться невидимым, — пробормотал он, глядя на свои ладони, будто надеялся увидеть, как они растворяются в темноте.

Даниэла накрыла его руку своей — тёплой, тяжёлой, настоящей.

— Ты уже умеешь. Ты умеешь быть тихим. А тишина — это первый шаг к невидимости.

Он улыбнулся, будто это была самая большая похвала в мире.

В такие вечера Даниэла смотрела на сына и думала: она учит его языку опасности, чтобы однажды он смог прочесть её собственную историю и не осудить. Чтобы, когда придёт час, он понял не только то, что она делала, но и зачем.

А луна тем временем росла, наливаясь светом, и с каждым её новым изгибом в груди Даниэлы тоже что-то росло — не ярость, не жажда мести, а холодная готовность. Она не торопилась. Пусть враги думают, что буря миновала. Пусть спят спокойно за своими стенами. Она будет ждать. И когда придёт время, ни один из её знаков не останется неиспользованным, ни одна деталь — забытой.

Новолуние — день тишины и покоя, когда сама земля будто замирала, чтобы перевести дыхание. Для Даниэлы это было редкое время, когда не нужно было становиться тенью, не нужно было высчитывать чужие шаги и взвешивать каждый свой вдох. В новолуние она оставалась с Романом, никуда не уходила. Сила, подпитываемая луной, в эти сутки почти не отзывалась — и Даниэла воспринимала это не как слабость, а как передышку, дарованную ей, чтобы просто побыть матерью.

Они проводили день в пещере или рядом с ней, занимаясь простыми, но важными делами, которые в их жизни значили куда больше, чем могло показаться со стороны. Перебирали запасы: проверяли, не испортились ли сушёные корни, не завелась ли моль в мешках с травами, не прогрызли ли мыши подстилки. Чинили одежду: Даниэла терпеливо показывала Роману, как делать крепкие стежки, чтобы заплатка держалась долго, как скручивать нитки из волокон крапивы, если кончились льняные. Сушили травы: раскладывали их на плоских

камнях, где ветер свободно гулял между стеблями, и учили Романа различать запахи — вот горьковатый дух полыни, вот терпкий аромат чабреца, вот едва уловимая сладость душицы.

— Это не просто травы, — говорила Даниэла, растирая между пальцами сухую веточку и позволяя ветру унести крупинки запаха. — Это память гор. Если однажды мы потеряем друг друга, ты сможешь найти дорогу по этим запахам.

Вечером, когда небо чернело и загорались звёзды, Даниэла рассказывала сыну сказки — не те, что читают у каминов в уютных домах, а горные легенды, рождённые ветром и камнем.

— Видишь вот это созвездие? — показывала она, вытягивая руку в темноту, где три яркие звезды складывались в пояс охотника. — Когда-то это был великий охотник, который защищал эти горы. Он так любил их, что боги позволили ему остаться здесь навечно, чтобы быть стражем для всех, кто живёт в гармонии с природой. А Северная звезда — это путеводный огонь для тех, кто заблудился. Она всегда указывает на север, помогая найти дорогу домой.

Она учила Романа видеть символы в узорах мха на камнях и трещинах скал, превращая каждый урок в игру, в которую они играли вдвоём:

Вот здесь спрятался силуэт волка — его уши торчат, а хвост вытянут. Там раскинул крылья орёл — размах перьев угадывается в линиях трещин. А вот застыл в прыжке лев — его лапы чётко проступают в изгибе скалы.

— Горы говорят с нами, — объясняла Даниэла, проводя пальцем по неровной поверхности камня, словно читая невидимые письма. — Если уметь слушать, они подскажут, где найти воду, куда идти, когда прятаться. Они защищают тех, кто уважает их мудрость.

Роман внимательно рассматривал камни, водил по ним ладошками, шурился, вглядываясь в тени, и вдруг радостно вскрикивал:

— Смотри, мама! Здесь змея свернулась кольцом! А тут олень поднял голову!

Даниэла улыбалась, и в этой улыбке было столько тепла, что оно будто отодвигало от них всю ту тьму, которая жила в её клятве и ждала своего часа.

— Ты видишь то, что скрыто от других, — говорила она мягко. — Это дар, Рома. И ты научишься использовать его, чтобы мы могли жить в этих горах в мире.

Иногда, когда звёзды становились особенно яркими, а ветер утихал, Роман вдруг замолкал, поднимал голову и спрашивал:

— Мама, а звёзды тоже слушают горы?

Даниэла задумывалась на мгновение, будто проверяя, не прячется ли в этом вопросе какой-то другой, более глубокий смысл, и отвечала:

— Да, Рома. Они слушают. И они помнят. Каждая звезда — это чей-то голос, который когда-то прозвучал в этих краях и не исчез, а поднялся выше, чтобы светить тем, кто идёт следом.

Они сидели у костра, смотрели на звёзды, слушали тишину гор — ту самую тишину, которую Роман учился ценить и понимать. В эти моменты Даниэла чувствовала себя не беглянкой, не охотницей, не мстительницей, а хранительницей древнего знания, которое передавала из рук в руки, от сердца к сердцу. А Роман, ещё не осознавая всей глубины происходящего, впитывал уроки матери, учился слышать голос гор — так же, как слышал голос её сердца: ровный, спокойный, надёжный.

И в такие ночи, когда луна пряталась, а небо становилось чёрным полотном, расшитым звёздами, Даниэла позволяла себе верить: возможно, есть способ исполнить клятву и при этом не потерять того, ради чего она вообще готова была её исполнить. Возможно, горы научат её не только прятаться и бить без промаха, но и защищать так, чтобы не разрушать.

Время пришло

Она знала, что однажды этот день придёт. Она чувствовала его приближение, как приближение грозы — сначала едва заметный запах озона в воздухе, потом тяжесть в груди, И вот в один день — если можно так выразиться о моменте, когда мир вдруг становится острее, звонче, будто кто-то натянул струну до предела, — это случилось.

Пламя внутри взвыло и вмиг расширилось, рванулось наружу, как дикий зверь, сорвавшийся с цепи. Даниэла, привыкшая держать себя в узде, даже со своей холодной, выверенной кровью, на миг застыла в страхе — ей показалось, что она сейчас рассыплется на искры, и от неё не останется ничего, кроме пепла и тени.

Но ничего не случилось. Пламя, ударившись о невидимую преграду, вновь утихомирилось, опало, свернулось в тугой, горячий узел где-то под рёбрами. Остался только один знак, что буря всё же была: рубин на броши Бранковяну пылал кроваво алым, будто в нём горело собственное маленькое солнце.

Даниэла коснулась броши дрожащими пальцами, будто проверяя, реальна ли она. Эта брошь из чёрнёного серебра с вставшим на дыбы львом — гордым, грозным, будто готовым защищать то, что ему дорого, — была не просто украшением. В первую ночь Иона преподнёс её как знак доверия, как молчаливое обещание: «Ты не одна». Потом её отобрал наглый стражник — с ухмылкой, будто отнял у ребёнка игрушку. А позже он вернул брошь ей ценой собственной жизни. И теперь этот лев, вычеканенный на металле, будто встряхнулся, расправил плечи, и его взгляд стал живым.

Взглянув на рубин, Даниэла всё поняла.

Он сиял не просто ярко — он как будто горел, показывая направление, как маяк, который видит только тот, кому он предназначен. Она вдруг отчётливо поняла, где именно, в какой стороне находится её первая цель. Расстояние, угол, даже уклон тропы — всё сложилось в единую картину, ясную, как карта, нарисованная огнём.

Она кажется даже услышала его биение сердца: неровное, тяжёлое, с паузами, будто человек часто задерживал дыхание, прислушиваясь к тишине. И почувствовала на себе его смрадное дыхание — не настоящее, а отголосок чужой злобы, ввевшейся в кожу, в одежду, в самую манеру держаться. Этот запах был ей знаком: так пахла уверенность человека, который привык, что перед ним расступаются.

Даниэла содрогнулась внутренне, но сразу же пришла в себя. Холодная волна воли смыла дрожь, как вода смывает песок с камня. Время действовать настало.

Она медленно опустила руку, сжала пальцы в кулак и разжала, возвращая им привычную твёрдость. Брошь больше не жгла. Рубин всё ещё мерцал, но уже не слепил, а лишь мягко пульсировал, напоминая: цель рядом.

Тихо, чтобы не потревожить тишину пещеры, она подошла к спальному месту Романа. Он лежал, свернувшись калачиком, и во сне его лицо было совсем детским — без той взрослой серьёзности, которая появлялась, когда он учился читать знаки на бересте или угадывать силуэты в трещинах скал. Даниэла наклонилась и поцеловала его в лоб, едва касаясь губами тёплой кожи.

— Спи крепко, мой лев, — прошептала она, и голос её прозвучал ровно, без дрожи. — Я скоро вернусь.

Роман что-то пробормотал во сне, поёрзал, но не проснулся.

Выйдя из пещеры, Даниэла остановилась на пороге, подняла лицо к небу. Новолуние всё ещё прятало луну, и ночь была густой, непроглядной — идеальной для того, кто привык видеть не глазами. Рубин в броши мягко подсказывал направление, как стрелка компаса, указывающая на самую тёмную часть горизонта.

«Он там, — подумала она, чувствуя, как внутри вместо ярости собирается холодная, острая сосредоточенность. — И он ждёт не меня. Он вообще никого не ждёт. Думает, что буря миновала. Думает, что я исчезла».

Она улыбнулась — не радостно, а так, как улыбается хищник, когда наконец находит след, который искал годами.

Спускаясь по склону, Даниэла двигалась бесшумно, сливаясь с темнотой, становясь её частью. Но на этот раз она не пряталась. На этот раз тьма была не укрытием, а плащом, который она накинула на плечи, выходя на тропу возмездия.

И чем дальше она уходила от пещеры, тем яснее чувствовала: клятва, которую она когда-то произнесла, больше не была просто словами, вырезанными в памяти. Она становилась действием. Она становилась шагом. Она становилась дыханием, которое вело её вперёд, туда, где ждал её враг.

Ночь уже перевалила за середину, когда Даниэла наконец добралась до пригорода. Полночи быстрого шага по горам — по тропам, где нога едва находила опору, по склонам, где каждый неверный шаг мог обернуться падением в темноту. Но она шла, не чувствуя усталости: её вела не только память о боли, но и брошь на груди — рубин в ней едва тлел, будто сберегая силу для решающего мгновения.

Дом стражника стоял особняком, окружённый невысокой стеной, будто сам хотел отделить себя от остального мира. Здесь, вдали от городской суеты, он чувствовал себя в безопасности. И это чувство было его главной ошибкой.

Даниэла подобралась к усадьбе и полчаса просидела в засаде, слившись с тенью старого оливкового дерева. Чем дольше она ждала, тем сильнее становилась багровая пелена перед глазами, тем жарче разгорался внутренний огонь, пульсируя в висках, в кончиках пальцев, в каждом ударе сердца. Она ощущала толчки внутреннего зверя — он рвался наружу, шептал: «Сейчас. Пора. Он там. Он ждёт».

И она решилась.

Пробежав через внутренний дворик, она прижалась к стене и замерла, как камень, ставший частью ночи. Мимо прошли двое вооружённых людей — то ли друзья стражника, то ли его охрана. Их шаги гулко отдавались в тишине, голоса звучали уверенно, почти беспечно. Даниэла не шелохнулась. Она умела быть тише тишины.

Улучив момент, она пробралась под окна. На втором этаже, в комнате с приоткрытой ставней, был он. Тот, чьи приказы когда-то ломали ей жизнь. Тот, кто смеялся, когда она кричала. Тот, кого лев Бранковяну выбрал первой целью.

Ловко подпрыгнув, она подтянулась на руках и с лету вскочила на подоконник. В тот миг, когда её силуэт заслонил свет лампы, он увидел её. В его глазах отразились две янтарные точки — мгновенный ужас, узнавание, понимание: прошлое пришло за ним.

Она не дала ему шанса. Растеряв остатки человечности, Даниэла прямо с подоконника прыгнула на него и вцепилась в своего мучителя всем, что у неё было: силой, болью, памятью, яростью. Он умер, наверное, ещё до того, как его кровь коснулась её клыков, до того, как её внутренний зверь принял эту жертву.

Но даже сквозь багровую пелену она воспринимала происходящее не как в реальной жизни — будто смотрела сквозь толстое, искажающее стекло: движения были резче, звуки — громче, запахи — острее. Насытившись, она встала. И в тот же миг в комнату вбежали вооружённые люди.

Увидев её, они на мгновение застыли — не от страха, а от невозможности поверить в то, что стояло перед ними: женщина, в которой не осталось ничего человеческого. Но Даниэла уже не была просто женщиной. Она была возмездием.

Зарывав, она бросилась на них. У них не было шанса. Ни у первого, ни у второго, ни у тех, кто примчался следом. Она уничтожила их всех, двигаясь с такой скоростью и точностью, что их клинки лишь рассекали воздух там, где она была мгновение назад.

Потом, спустившись по лестнице на первый этаж, она нашла себе новые цели — тех, кто стоял на постах, тех, кто бежал на крики, тех, кто пытался запереть двери. Она шла сквозь дом, как буря сквозь сухую траву: быстро, безжалостно, неотвратно. И так продолжалось до тех пор, пока ноги не вынесли её за ворота.

Там, опьяневшая от дикой, первобытной силы, она зарывала по-звериному, спрыгнула с дороги в кусты и через мгновение о ней напоминали лишь потревоженные ветки, шуршащие в темноте. Усадьба словно вымерла. А может, так оно и было на самом деле.

Когда сознание вернулось к ней, Даниэла очнулась среди скал, далеко от усадьбы. Мир вокруг был холодным, чужим, слишком тихим после того грохота, который только что гремел у неё внутри. Ноги и руки горели от заживающих ран — регенерация работала, стягивая кожу, но боль всё равно пробивалась сквозь эту спешную починку тела. А внутри болело иначе — острее, глубже, так, что хотелось сжать себя руками, чтобы удержать душу в груди.

Теперь она поняла, в какую ловушку попала.

Клятва требовала исполнения. Но цена этого исполнения была не в крови врага. Цена была в том, кем она становилась, когда эта кровь проливалась. Даниэла не боялась превратиться в убийцу — она уже знала, что способна на это. Её страшило другое: она превращалась в зверя, для которого ярость становилась слаще разума, а жажда — дороже памяти.

Она закрыла лицо ладонями, пытаясь стереть с себя этот рык, этот запах чужой смерти, этот восторг, который вспыхнул в ней, когда она прыгнула с подоконника. Самым страшным был этот восторг. Он вспыхнул внизу живота, горячей волной прокатился по венам, заставляя мышцы напрячься в предвкушении следующего удара. Этот восторг шептал: «Ещё. Ещё один. Ещё столько, сколько потребуется, чтобы никто больше не посмел тронуть твоего сына».

Даниэла не испытывала угрызений совести по мёртвому стражнику. Он был её целью, её долгом, её правом. Но остальные... те вооружённые люди, что вбежали в комнату, те, кого она нашла на лестнице, те, кто попался на пути к воротам... Они были виноваты только в одном: оказались в неправильное время в неправильном месте. Их смерть не была частью клятвы. Это была расплата за то, что внутри неё сорвалась цепь.

Стиснув зубы, чтобы не закричать, она прошептала в темноту:

— Только не его семья. Пусть их там не было. Пусть они спали в другой комнате. Пусть их вообще не было дома.

Она не молилась богам. Она молилась тишине, чтобы та заглушила этот голос внутри. Голос, который шептал, что ярость слаще разума, а жажда — дороже памяти. Голос, который был частью неё, но которого она боялась больше, чем серебра.

Брошь лежала на груди, прижатая ладонью. Рубин уже не пылал алым — он едва тлел, как остывающий уголёк. Даниэла коснулась льва кончиками пальцев, провела по его грозному силуэту, по поднятым передним лапам, будто ища в нём ту твёрдость, которую она когда-то обещала себе хранить.

— Ты должен был защищать, — прошептала она, обращаясь не к металлу, а к памяти об Ионе, к той цене, которую она заплатила, чтобы вернуть этот знак. — Ты должен был напоминать мне, кто я.

И в этот момент она вдруг поняла: ни память о муже, ни брошь не удерживала зверя. Брошь показывала путь. А удерживать зверя должна была она сама.

Где-то далеко, за многими километрами гор и ущелий, в пещере спал Роман. Он не знал, что сегодня она пересекла черту. Не знал, что её клятва начала пожирать её изнутри. Он просто ждал, когда мама вернётся и скажет: «Привет, мой лев. Я вернулась».

Даниэла медленно поднялась, опираясь на скалу, чувствуя, как тело, хоть и ноет, но уже готово идти. Она не могла позволить себе остаться здесь, свернувшись от боли и стыда. Потому что, если она остановится, зверь внутри решит, что победил.

«Я не позволю тебе победить, — подумала она, обращаясь к той силе, что хотела сделать из неё чистое возмездие. — Я исполню клятву. Но я не стану тем, чего боюсь больше всего. Я останусь матерью. Я останусь Даниэлой».

Держа эту мысль, как факел в темноте, она пошла обратно — туда, где среди камней пряталась их пещера, туда, где спал её сын, туда, где ей нужно было снова научиться быть не охотницей, не мстительницей, а тем человеком, чьё сердце он узнавал даже сквозь сон.

Она сделала шаг, потом ещё один, привыкая к тяжести собственных мыслей. И вдруг остановилась, подняла голову, вслушиваясь в тишину.

Горы не осуждали. Они просто были. Они помнили и её человечность, и её ярость, и не требовали выбирать что-то одно. Они знали: она идёт по краю, и каждый её шаг — это борьба.

Несколько месяцев Даниэла жила на тонкой грани — между дыханием и рыком, между памятью и инстинктом. Пока рубин на броши молчал, она углубляла свои поиски не вовне, а в себе: медитировала у холодных камней, прислушивалась к тишине, пыталась нащупать ту невидимую цепь, которой можно удержать зверя. И ей начинало казаться, что вот оно — получается. Зверь притих, почти послушно сворачивался где-то под рёбрами, не рвался наружу, лишь изредка царапал изнутри, напоминая о себе.

Она ловила эти мгновения покоя и цеплялась за них, как за верёвки над пропастью. Учила Романа различать травы, показывала, где в узоре мха прячется след оленя, рассказывала про созвездия так, будто от этих историй зависело, останется ли в ней хоть капля света. И в эти часы Даниэла почти верила, что сумеет идти по краю и не сорваться.

Как же она ошибалась.

Через несколько месяцев рубин вновь вспыхнул. Не яростно, а ровно, настойчиво — как маяк, который не спрашивает, готова ли ты плыть. Внутренний огонь тут же шевельнулся, потянулся к этому зову, и Даниэла поняла: отсрочка кончилась. На этот раз цель находилась далеко, и путь к ней был не по знакомым тропам, а через чужие земли, где она бывала редко.

Перед уходом она долго смотрела на Романа, будто пытаясь запомнить каждую чёрточку его лица: упрямый изгиб бровей, веснушки на носу, тень улыбки, которая появлялась, когда он думал, что она не видит. Потом собрала ему припасы, проверила, чтобы воды было вдоволь, и, тщательно замаскировав вход в пещеру ветками и камнями, строго, но тихо сказала:

— Не выходи, Рома. Ни при каких звуках. Ни если услышишь крик, ни если покажется, что это я зову. Сиди тихо, как мышка. Договорились?

Он кивнул, не споря, не задавая лишних вопросов — только крепче прижал к себе потрепанную тряпичную игрушку, которую сам смастерил из лоскутов. В его взгляде было не детское послушание, а взрослое понимание: мама уходит туда, где страшно, и это нужно просто принять.

— Я послежу чтобы куколка не скучала. — сказал он.

— Я вернусь, — повторила она, хотя сама не знала, сколько в этих словах правды.

Путь до полевого лагеря занял почти три дня. Даниэла шла по ночам, пряталась днём, слушала ветер и училась снова быть тенью — но теперь тенью, которая боится собственной природы.

Лагерь раскинулся на склоне, будто небрежно брошенные тряпки: палатки, костры, люди, смеющиеся слишком громко, празднующие что-то, чего ей никогда не понять. Тот стражник, которого искал лев Бранковяну, сидел в большой палатке вместе с друзьями, и их смех звучал как скрежет металла по стеклу.

Даниэла выслеживала его долго, терпеливо, до хруста в пальцах. Она ждала, пока веселье стихнет, пока голоса станут сонными, пока лагерь не утонет в тяжёлой, пьяной тишине. Ждала, пока он останется один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.